

Пути Волхвов



Анастасия Андрианова

Анастасия Александровна Андрианова
Пути Волхвов
Серия «Young Adult».
Книжный бунт. Новые сказки»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69272149

Пути Волхвов: Эксмо; Москва; 2023

ISBN 978-5-04-187895-5

Аннотация

Княжества терзает Морь – загадочная болезнь, которая убивает или обезображивает людей. В этом винят скоморохов, сжигающих деревни и города.

Княжий гонец Кречет мчит сквозь владения лесовых, чтобы найти волхва для больного княжича, но находит лишь болтливого мальчишку-иноземца.

Художник, свечник, сын рыбака и девушка, бегущая от прошлого, оказываются на перепутье, и в какое кружево сплетутся их судьбы, знает только Господин Дорог.

История от Анастасии Андриановой, автора «Песни чудовищ».

«Пути Волхвов» – тёмное околославянское фэнтези. Мир основан на Руси XIV–XV веков и дополнен авторской мифологией.

Напряженная атмосфера и ощущение, что главный герой знает недостаточно, чтобы выжить.

Одна из главных тем – фэнтезийная пандемия; болезнь если не убивает людей, то награждает причудливыми физическими особенностями: рогами, чешуёй, копытами.

Переосмысление классических сюжетов фольклора и любимых сказок, архетипичные герои в новом прочтении – все не те, кем кажутся.

Мрачные тайны и жестокие интриги, невинные жертвы чужих игр и неверные выводы – чем выложены пути волхвов?

Содержание

Пролог	6
Глава 1	13
Глава 2	31
Глава 3	47
Глава 4	64
Глава 5	83
Глава 6	101
Глава 7	117
Глава 8	138
Конец ознакомительного фрагмента.	161

Анастасия Андрианова

Пути Волхвов

© Андрианова А.А., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

*** * ***

Пролог

Свеча в руке у Энгле дрожит, плачет горячим воском, капает на пальцы. Энгле и сам дрожит, трясущиеся губы беззвучно шепчут слова старого заговора. Воздух вокруг зыбится и идёт рябью – непроглядно-чёрный и звенящий весенним холодом, как мрак владений Серебряной Матери.

Явись и заberi то, что я тебе даю.

Явись и не сбеги.

Явись...

Рыжий огонёк мигает, захлёбывается плавящимся воском, и пальцам Энгле становится горячо, так горячо, что хочется скорее бросить огарок. Ещё ему страшно. Очень страшно, и по хребту бегают крупные ледяные мурашки.

Перед Энгле серой лентой стелется дорога, почти не различимая в эту тёмную беззвёздную ночь. Позади него – тоже дорога. И слева, и справа тянутся пути, уводящие куда-то через поля, в далёкие земли, о которых он и не думал никогда.

Энгле стоит на перекрёстке. Ему нужен тот, кто владеет всеми дорогами на свете, тот, кому подвластны не только перекрёстки и Тракты, но и сплетения людских судеб. Энгле старается не думать, сколько в окрестных лесах и прудах таится нечистецей: сейчас, в тёмные весенние ночи, они становятся особенно охочи до человеческих душ. Ветер перебирает волосы на затылке, забирается под тонкую рубашку,

но Энгле продолжает упорно шептать:

Явись, Господин Дорог, на мой зов.

Прими мой дар, Господин Дорог.

Явись и не сбеги.

Сзади – деревня. Энгле не оборачивается, не видит её огней, но спиной чувствует, как окна домов глазают на него. Он зажмуривается, не прекращая шевелить губами. Ничего не меняется, тьма такая плотная, что закрывай глаза, что открывай – всё одно. Энгле кажется, что кто-то пробегает перед ним по дороге. Он сбивается, перестаёт шептать, облизывает пересохшие губы и вертит головой по сторонам. Нет, не видно Господина Дорог. Должно быть, прошмыгнула лисица. А может, и лешак.

Он не может вспомнить, на каком месте запнулся. Слова заговора, так тщательно заучиваемые в течение долгих недель, вылетают из головы. Свеча шипит, Энгле шипит тоже, стряхивая с пальцев капли обжигающе горячего воска. Огонёк гаснет, и тьма накрывает Энгле колпаком. Не видно вообще ничего. Запахи ночи сразу становятся резче, соловьиная трель в черёмуховых зарослях кажется надрывной и зловещей. В пруду за кустами квакают лягушки, будто насмехаясь.

Нет Господина Дорог.

Дыхание Энгле сбивается. Он не может понять, что чувствует. Злость – от того, что Господин Дорог не явился. Затаённую радость – от того же. Может, не придётся отдавать

себя в услужение. Страх – что же так темно кругом?

Энгле вдыхает через нос и решает оглянуться. Ночь как ночь, но какая-то неуловимая жуть разлита кругом. От заговора? От нечистотей, затаившихся под кустами? Или от того, что он сам наделил эту ночь особым, тайным смыслом?

– Штаны рваные. Мог бы и приодеться.

Энгле подпрыгивает на месте, едва не падает на землю. Сердце срывается в галоп. Он резко оборачивается и издаёт не то изумлённый вскрик, не то всхлип.

На дороге перед ним стоит человек. Очень странный человек. Маленький – не с мужчину, а с подростка, одетый в тёмные штаны, серую рубашку и красный жилет, расшитый мелкими камнями и серебряными нитями. На ногах – сапоги с чуть заострёнными носами, каких в деревнях отродясь не носили. Лицо у человека странное: не молодое, не старое, какое-то переменчивое, будто каждый миг ему исполняется то десять, то сорок, то девяносто зим. Нос у него тонкий, с резко очерченными ноздрями. Рот растянут в полуулыбке, губы узкие, а глаза с недобрым прищуром похожи на спелые черешни.

Энгле не разглядел бы всего этого, если бы не целая стая светляков, облепивших пальцы человека. Он держит руку согнутой в локте, и светляки как раз освещают его лицо. Немного света достаётся даже молодой весенней траве под ногами.

– Г... Гос... – Энгле страшно заикается. Ему хочется бро-

ситься прочь. Спина взмокает, и рубаха противно прилипает к телу. То, чего он так боялся и чего так желал, произошло.

– Нет-нет. – Человек машет рукой, и несколько светлячков осыпаются на дорогу, похожие на капли расплавленного олова. – Не нужно говорить со мной заученными фразами. Я понимаю и так. Люди нарекли меня Господином Дорог, но это вовсе не означает, что все речи нужно начинать с упоминания этого прозвища. – Он закусывает длинный ноготь на указательном пальце, будто крепко о чём-то задумавшись. – Так чего ты хочешь, малец? Зачем так настырно звал?

Господин Дорог садится на землю, скрестив ноги, и подпирает подбородок кулаком – тем, который свободен от светлячков. Энгле шумно сглатывает.

– Я готов перейти к тебе в услужение.

Лягушки в пруду резко замолкают. На миг кругом воцаряется странная тишина, но уже в следующее мгновение Господин Дорог начинает смеяться. Энгле бросает в жар от стыда. Не так, ох, не так он представлял себе их разговор!

Смех обрывается так же внезапно, как и начался. Лягушки снова заливаются гортанным кваканьем. Со стороны деревни тянет дымком, а от черёмухи – густой душистой сладостью.

– И на что ты мне сдался? Я ведь не лесовой, что делает несчастных своими лешачатами. И не водяной, которому служат русалки, мавки да водяницы. Ну ты и чудак!

Господин Дорог качает головой, и его длинные, до плеч,

волосы кажутся Энгле то седыми, то тускло-русыми. Энгле снова сглатывает. Пить хочется страшно.

– Так... Вроде бы говорят, что ты любой путь укажешь за службу верную.

– Бабкины сказочки, – сочувственно вздыхает Господин Дорог. – Но всё же теперь любопытно, чего ради ты меня звал. Даже душу хотел предложить... Что за путь хотел изведать? Узнать дорогу к богатству или судьбу людскую?

Он насмешливо качает рукой, облепленной светлячками. Энгле опускает взгляд на свои грязные истоптанные постолы¹ и бубнит:

– Батка мой пропал. Отплыл за рыбой, как обычно, да только почти год миновал, а обратно всё никак не плывёт. Заплутал, видать, в своих морях. Мамка переживает, всё на Тракт смотрит – не едет ли? И денег у нас впритык осталось. Вот, попросить тебя хотел. Не укажешь ли путь кораблю? Раз все дороги тебе подвластны. Пожалуйста.

Последнее слово он произносит так жалобно, что самому становится противно. Энгле ещё немного рассматривает свои стопы, пинает мыском камешек и только потом решается поднять глаза на Господина Дорог.

Тот продолжает сидеть на перепутье и, кажется, позабыл обо всём на свете, любителю тем, как ручные светлячки ползают по пальцам и запястью. Энгле робко кашляет.

– Занятно. – Господин Дорог наконец достаивает его

¹ Постолы – простая кожаная обувь типа лаптей.

быстрым взглядом. – Сдаётся мне, твой батюшка причалил к другой пристани, потому что заблудившихся кораблей на моих тропах давно уж не было. К морякам я питаю особенно нежные чувства, поэтому стараюсь вызволять их из передраг задолго до того, как их юные отпрыски решатся вызвать меня, стоя на перекрёстке со свечой в руках.

– Причалил к другой пристани? Разве это не всё равно что заплутал? – Энгле хмурится.

– Почти. Но если бы заплутал – хотел бы вернуться. Звал бы меня. А твой папенька чувствует себя на своём месте. Он не ищет, он нашёл. Скажи матушке, чтобы не волновалась, а проклинала неверного муженька. Но так и быть. Я могу его вернуть. Сплету путь иначе.

Господин Дорог вынимает из кармана золотистую кудель и, поддев нитку ногтем, начинает ловко плести что-то, отдалённо напоминающее кружево.

Энгле бросает то в жар, то в холод. Он не совсем понимает, что говорит Господин Дорог – как-то путано, туманно. Так говорят городские – всё намёками да недомолвками. Догадайся, мол, сам. Но беспокойство поселяется в животе, под нижними рёбрами, и бьётся, как бабочка, пойманная в ловушку. *«Не ищет, а нашёл»... «Неверный муженёк»...*

Понимание приходит внезапно, как нахлынувшая волна. Энгле обжигает обидой, переходящей в злобу.

– За тобой должок. – Господин Дорог хитро щурится. – У меня достаточно куда более интересных дел, но раз уж ты

так верил в то, что я действительно вернусь, если встать на перекрёстке со свечкой и прочитать наговор... То я польщён твоим упорством.

– Но ты же явился, – упрямится вдруг Энгле. – Значит, я всё сделал правильно.

– Кто зовёт – к тому приходят. – Господин Дорог встаёт, отряхивает штаны от дорожной пыли, убирает кудель обратно в карман и пересаживает нескольких светляков себе на плечи. – Ты звал – я пришёл. Должок, помни. – Он грозит Энгле длинным пальцем.

Энгле понимает, что через пару мгновений чудесная встреча закончится, и брякает первое, что приходит в голову:

– Я думал, ты ростом повыше.

Господин Дорог хмыкает себе под нос. Снова грозит пальцем и широко ухмыляется.

– Представь, если б я был ростом с двух мужчин. И косая сажень в плечах. Ты бы окоченел со страху, не так ли?

Энгле не успевает ни ответить, ни толком покраснеть. Господин Дорог исчезает, просто растаяв в воздухе, как дым из печной трубы. На земле остаются несколько светлячков. Насекомые взлетают и садятся Энгле на плечи. Этого как раз хватает, чтобы осветить тропку, ведущую домой.

Глава 1

Лихо в лесу

В своей жизни я больше всего ненавижу три вещи: голод, болезнь и погони. И именно от погони мы с Рудо пытались уйти.

Я прижимался всем телом к широкой мохнатой спине моего верного монфа, пригибал голову, чтобы колючие ветви не хлестали по лицу. Боли я не боюсь, да только без глаз остаться было бы худо.

Лапы пса бесшумно касались лесной земли, он нёсся с такой резвостью, какую трудно предугадать, глядя на его лохматое грузное тело. Я не оглядывался, но слышал, как по пятам мчится какое-то лихо, ломая ветки и тяжело, надсадно дыша.

Я точно знал, что это не люди. Человек не посмеет свернуть с Тракта, а если кто и наберётся смелости, то не станет нестись сквозь Великолесье сломя голову, без уважения и опаски. И тем более не попытается напасть на княжьего гонца – сокола.

Нечистецы тоже не нападают на нас. Тем более на меня – Кречета, сокола Холмолесского княжества. Со здешними лесовыми у меня давно если не приятельские, то хотя бы ровные отношения, вредить друг другу мы точно не станем. Я

не мог понять, от кого мы пытаемся уйти, и из-за этого делалось тревожно. Не страшно – страха я давно не помнил. Но беспокойно и смутно на сердце.

Чёрная фигура с нечеловеческой ловкостью проскочила между елями справа от нас и жутко заверещала. Рудо рыкнул и дёрнулся в сторону, но я хлопнул его по шее, заставляя бежать вперёд. Пёс послушался, как и всегда, но я видел, как подрагивают маленькие, плотно прижатые к голове уши. Рудо тоже слыл бесстрашным – безголовым, как сказали бы многие, но близость непонятных тварей пугала даже моего верного пса.

Сунул руку за пазуху и вынул пару железных звёздочек с остро заточенными лучами-гранями – грозное оружие в руках опытного бойца, пусть и выглядят они несерьёзно. Метнул не глядя куда-то в темень и по визгу понял: попал.

– Угощайтесь, твари, – усмехнулся и спрятал лицо в густую пёсью шерсть, спасаясь от ощерившихся сплетений кустики, которые встали на пути.

Рудо легко оттолкнулся мощными задними лапами и перемахнул через заросли, словно взлетел. Я одобрительно хлопал его по крутому боку и поспешил снова покрепче ухватиться обеими руками за шею.

Ни один конь не продрался бы сквозь Великолесские чащи. Ни один человек не выбрался бы отсюда таким, каким был раньше. И я был счастлив, безмерно счастлив, что вместо тонконового коня у меня есть Рудо – огромный, с медве-

дя, косматый и клыкастый монф, непременно нагоняющий страху на всех, кто видит его впервые.

Отовсюду разом послышалось свистящее шипение, и стало ясно, что нас окружили с трёх сторон. Как же, будь они прокляты, избавиться от преследователей? В горле пекло от злости – загоняют в угол, дряни, чтоб им под землю провалиться. Я бы предпочёл сразиться с ними лицом к лицу, пусть даже их было штук девять, не меньше, да только перед началом боя неплохо бы определить, что за противник перед тобой. Твари будто дразнили нас, то мелькая прямо перед носом Рудо, то отбегая в сторону и даже перескакивая на нижние ветви елей. Внезапно осознал: без меня пёс мог бы бежать втрое быстрее. Так дело не пойдёт.

– Возвращайся на Тракт и беги в Топоричек. Я найду тебя, – шепнул я на ухо псу, хлопнул его по боку и, подтянув колени к груди, соскользнул со спины монфа на землю.

Рудо привык слушаться с первого раза, этому его научили ещё несмышлёным щенком. Пса уже не было видно, когда я перекатился на живот и рывком поднялся на ноги, замерев в боевой стойке. В одной руке уже был зажат кривой нож, вытасненный из голенища сапога, а в другой я держал с полдюжины звёздочек.

Я зычно крикнул, призывая тварей выйти из мрака под свет Серебряной Матери и явить свои личины. Ну и где эти смельчаки, напавшие на одинокого путника? Я стоял прямо посреди поросшей мхом опушки, и луна серебрила мою

фигуру, делая её хорошо заметной. Со всех сторон окружал лес, но никто не мог бы приблизиться ко мне незамеченным, а сам я своим видом показывал: подходите, нападайте, мне нечего скрывать и некого бояться. Я рыкнул и сделал выпад ножом, приглашая сразиться. Справлюсь ли с девятью противниками разом? Кто ж знает. Одно я понимал с предельной ясностью: коварный враг напал бы исподтишка, убил сразу, одним ударом и не стал бы так долго гнаться по Великолесью. Быть может, нас хотели запугать или перепугали меня с кем-то.

Ветви зашевелились, и на опушку выступило девять фигур в грязных изодранных плащах. Я бы принял их за нищих бродяг в рубище, если бы не видел, с какой скоростью они могут нестись по дремучей чаще и влезать на деревья. Я не мог разглядеть ни рук, ни лиц: каждая пядь их тел была скрыта тряпьём, головы укутывали капюшоны. Твари стояли и шипели по-гадючьи, не спеша нападать.

Одним неуловимым движением я метнул все шесть звёздочек – четыре твари завалились на землю, я скакнул в сторону, перепрыгнул через поваленную осину и скатился по склону оврага, пересчитывая рёбрами кочки и толстые упавшие ветки.

Спасаться бегством – неблагородное занятие. Но теперь противников стало почти вдвое меньше – вряд ли упавшие встанут и продолжат погоню, хотя кто знает, что это за существа и откуда взялись. С остальными разберусь по дороге,

главное, не приводить их в Топоричек, к мирным людям. Я не понимал, как Смарагдель мог допустить, чтобы в его владениях появились эти облачённые в лохмотья выродки? Где его бойкие лешачата, готовые выдворить любого, кто ступит в эту часть Великолесья? Из оврага уже виднелись огни Топоричка, мигающие далеко впереди. Нужно выманить тварей на открытое пространство, но сделать это так, чтобы их не привлекли огни.

Я снял со спины короткий лук и сунул в зубы несколько стрел. Тени двигались через заросли, хрустя ветками. Их надсадное дыхание звучало отвратительными влажными всхлипами, как у чахоточных больных. Прицелившись, я выстрелил. Слишком темно, слишком многое мешало, но я не носил бы соколых знаков, если бы не мог справиться с этой задачей.

Стрела со свистом сорвалась с тетивы. Следом за ней – ещё три. По визгливым хрипам я понял, что попал в цель. Молниеносно вытащил из голенища ещё два коротких ножа, развернулся и метнул их.

На лес опустилась тишина, от которой заложило уши. Я удовлетворённо ухмыльнулся себе под нос и пошёл искать тела, чтобы вытащить ножи и стянуть капюшоны с ублюдков – князь захочет знать, что за лихо на меня напало. Да и самого любопытство разбирало.

Под взором Серебряной Матери каждый лист казался отлитым из неведомого синеватого металла, а мох влажно мер-

цал росой, облепляя кражистые бугристые тела деревьев. Я поднялся по скосу оврага и огляделся по сторонам в поисках убитых, но ничего не нашёл. В брусничной поросли поблёскивал нож. Он вонзился в мясистую шляпку лисьедуха – крупного сине-серого гриба в белёсых точках. Я срезал гриб и сунул в поясной мешок. Пригодится. Покрутил головой и увидел второй нож, а выше по склону нашёл все свои стрелы, но ни одного мертвеца не обнаружил – лишь примятую траву. С напускной вальяжностью повёл плечами, не позволяя мурашкам пробежать по спине. Что за жуть здесь творилась? Не могли же они провалиться сквозь землю? Сжав два пальца, я осенил себя треугольником Серебряной Матери. Ладно. Потом разберусь, главное, что удалось отбиться.

– С тебя чарка пенного, Смарагдель! – крикнул в чашу. – Я очистил твою вотчину.

Рёбра начинали ныть после неуклюжего падения, но я давно привык не обращать внимания на боль, усталость и прочие неудобства. Впереди звал огнями Топоричек, там я найду кров, пищу и выпивку. А главное – там меня ждёт Рудо.



Подходя к селению, я закатал рукава, обнажая знаки соколов – рисунки в виде соколиных крыльев, укрывающие кожу от локтей до запястий. Такие носят все шестеро гонцов-со-

колов, даже холёная красавица Пустельга, чтобы нас можно было безошибочно отличить от простых гонцов. Свои знаки мы получаем после посвящения – умираем людьми и взлетаем соколами – обычно зим в пятнадцать – шестнадцать. Я свои получил в одиннадцать. Приглашённый князем волхв искусно взрезал белую мальчишескую кожу и долго втирал в раны краску, чёрную, как глаза верховного водяного. Я тогда не проронил ни слезинки, только кусал до крови нижнюю губу. Потому что ещё раньше меня научили не бояться боли. А сдерживать слёзы я умел, кажется, с самого рождения.

Простой люд нас уважает – потому лучше сразу показать рисунки на руках, когдаходишь в деревню. Так скорее предложат тёплую комнату, отыщут лучшее пенное и сварят свежую похлёбку, сбавив цену, а то и вовсе дадут всё это бесплатно.

Едва я ступил на широкую укатанную ленту Тракта, на меня налетела мохнатая буря, едва не сбив с ног. Чудом устояв, я вытянул руки, пытаюсь обнять Рудо, но тот суетливо вилял толстым хвостом, как бестолковый щенок, и норовил лизнуть в лицо. Я обнял его за шею и прижался щекой к упрямому лбу. Рудо, Рудо, мой старый друг... В шерсти пса запутались тонкие ветки и сухие иголки, глаза смотрели устало, но он был цел. Толстая шкура и густой мех надёжно защищали и от холодов, и от вражеского оружия, а от остального спасали клыкастая пасть, быстрые лапы и недюжинный ум. Да, я частенько звал его бестолковым, но любя: на самом деле ино-

гда мне даже казалось, что Рудо – зачарованный человек, ну не может пёс быть таким сообразительным. Он и жил столько, сколько ни один пёс, но этому находилось объяснение: Рудо мой – из породы монфов, а у них кровь собачья смешана с медвежьей. Много сотен зим назад одна ворожея из Северного Холмогорья заколдовала своих охотничьих олек так, чтобы они могли давать потомство от огромных холмогорских медведиц. Так и пошла порода монфов – косматых лобастых псов ростом едва ли не с телёнка. В Холмогорье с ними и охотились, и ездили верхом, однако я единственный из соколов, кто предпочёл пса коню. Кто-то поговаривал, что это блажь, но я точно знал: нет чащи, в которой заплутает мой Рудо, нет кустов, из которых он не выпутается, и нет дичи, которую он не догонит.

– Кречет, Кречет!

Вмиг нас с Рудо облепила сельская ребятня. Мы для них были чем-то сродни героям из старых легенд – высокий рыжеватый мужчина с рисунками-крыльями на предплечьях да гигантский серо-коричневый монф. Мы могли быть совсем незаметными, когда того хотели, – прикидывались простыми путниками. Монфы в Княжествах не такая уж редкость, в крупных городах в базарные дни всегда можно купить себе щенка, хоть и не задёшево.

– Дай гостинец, Кречет!

– Подай, соколик!

Ко мне потянулись чумазные руки, блестящие глаза жад-

но пилились, высматривали каждую деталь облика: короткую бороду, связанные на затылке волосы, растрёпанные от беготни по лесу, крашеную серьгу в ухе, замшевый шнурок на шее... Я достал из мешка кошелёк и сунул в каждую ребяческую руку по потёртому медяку. Ребяшня развизжалась пуще прежнего, я сухо улыбнулся и шугнул их, чтобы не докучали больше.

Мы прошли по улице к трактиру. Я был в Топоричке далеко не впервые и здание с красной вывеской мог найти даже с завязанными глазами. Да и вообще, когда достаточно путешествуешь по Княжествам, учишься за мгновение определять, где в селении трактир, где чистая изба для ночлега, где кузница и дом пекаря, а где можно найти знахаря, который продаст недостающее снадобье или зашьёт, если нужно, рану.

На нас с Рудо оглядывались, а мы и специально шагали медленно, посреди дороги, немного даже красуясь. Да, я устал и был встревожен, но хотелось доставить мальчикам удовольствие, пусть глазают и хвастаются родичам, мне не жалко. Двое грязных мальчишек вбежали в трактир вперёд нас, что-то голая. Я ухмыльнулся: так даже скорее подготовят приём.

Так и оказалось. Навстречу вышел трактирщик – дородный, с пышными белыми усами. Я положил руку на голову Рудо, показывая, что пёс мне дорог.

– Устрой моего пса, отец, – вежливо попросил я трактир-

щика. – Не в конюшню и не на псарню. Положи мягкой соломки, угости кашей с мясом и налей свежей воды. В долгу не останусь.

Он покосился на Рудо с недоверием. Боялся монфа, что и немудрено: эти псы могут быть грозными стражами. Но Рудо махнул пушистым хвостом: не бойся, мол, человек. Не трону.

– Почту за честь, сударь Кречет, – промолвил трактирщик, осторожно взял пса за ошейник и повёл за ограду во двор.

Я ещё немного посмотрел им вслед – пёс не станет терпеть, если что-то будет ему не по нраву, огрызнётся или сбежит ко мне. Я успокоился и прошёл в трактир.

Внутри душно пахло едой: капустной похлёбкой, пирогами с дичью, хмельным пенным. Были и другие запахи: дыма, табака, пота и немытых тел посетителей, которые шумными компаниями жались поближе к очагу – вечерами уже холодало, пусть леса и стояли зелёные, пока не тронутые увяданием. Я и сам пах не лучшим образом, так что местные ароматы несколько меня не смущали. Скромно сев в углу, я ненавязчиво положил локти на стол: пусть разносчики и разносчицы видят соколиные крылья.

Тут же подскочила девка: круглолицая, светловолосая, поцелованная солнцем в обе румяные веснушчатые щеки.

– Брусничного пенного, – сразу попросил я. – и чего-нибудь поесть.

Разносчица ускакала и вернулась так быстро, что я даже не успел хорошенько разглядеть лица остальных посетителей. Передо мной появилась чарка пенного – такого ароматного, какое варят только в тех Княжествах, по которым тянется Великолесье. Лесовые следят, чтобы брусника урождалась крупная, с ноготь большого пальца, рдяная, как кровь, и горько-сладкая, как мёд. В обмен они просят всего ничего... Одну-то душу с села.

– Вечер добрый, соколик, – прощebetала девка, подсаживаясь ко мне. – Устал?

Я хмуро отпил пенного и придвинул к себе миску с заячьей похлёбкой. Девушка подвинула свой стул ещё ближе, ласково заглядывая мне в глаза.

– У нас и комнаты есть. Отдохни, соколик.

– Кречет, – буркнул я. Не люблю, когда всех соколов зовут одним именем. Мы все разные.

– А меня Летавой зовут, – обрадовалась девка, посчитав, наверное, что я склонен беседовать с ней. – Знаешь почему? Матушка моя летавицей настоящей была.

– Думается, ты врёшь, – сказал я так мягко, как только мог. Девка всё-таки была недурной, жалко обидеть, но и верить всем подряд небылицам нельзя. – Мы ведь не в Мостках, где люд с нечистецами привык путаться.

– Грубиян! – вспыхнула Летава, но всё же не ушла. Посидела немного, молча понаблюдала, как я расправляюсь с похлёбкой и пью пенное.

Я знал, что ей нужно от меня. Даже мог предугадать, что она скажет мне наутро. Будет проситься в княжий терем. Да только кто ж её возьмёт?

– Что ты делаешь у нас в Топоричке? – спросила она наконец, не совладав с любопытством. Прямо в глаза заглянула, а после пенного любая ещё краше, ещё румяней видится.

Руки у Летавы были мягкие, полные – как я люблю. И волосы такие соломенные, обласканные летним солнцем. Ухмыльнулся ей – не улыбнулся доброй улыбкой, а лишь скривил губы, но девкам почему-то это нравилось, и заглянул в синие глаза.

– Пустой еду. Нет у меня ни княжьего письма, ни посылки. Ищу одного человека, а по пути спасаюсь от других людей, лихих.

Рассказывать ей всю правду я, конечно, не мог.

Глаза Летавы по-детски зажглись, дрогнули рыжеватые ресницы.

– Ой как! – Она едва не захлопала в ладоши от радости. Да уж, видно, редко с ней соколы беседовали. – А кого ищешь? Вдруг знаю что, подсоблю.

Я искал знахаря. Того единственного знахаря, который был нужен моему князю. О нём нужно осторожно расспросить трактирщика. Трактирщика, но не молоденькую болливую разносчицу. Не хватало ещё, чтобы она по глупости распустила какую-то молву о князе, которая, конечно, не может быть правдой.

Придвинулся к ней так, что почувствовал частое дыхание на своей шее, и тихо сказал:

– Может, тебя ищу, Летава-летавица.

Она ахнула и порывисто схватила меня за руку. Тут же смутилась, покраснела, но глаз не опустила. Значит, я не ошибся на её счёт.

– Веди в свои покои. Но учти: все настои у меня с собой.

– У меня свои тоже есть, – скромно прошелестела красавица и повела меня через весь зал к лестнице.

В таких трактирах часто бывает второй ярус с одной-двумя комнатками для усталых путников. Нередко сами дочери трактирщиков предлагают своё приятное общество, а вырученные деньги относят отцам. Я не стал спрашивать у Летавы, дочь ли она усатому хозяину или простая наёмная разносчица. Какая разница? Красавица с таким благоговением взирала на мои рисунки-крылья, что я понимал: вероятно, денег с меня тут не попросят, но оставлю несколько монет за пристроенного Рудо, за угощение да за ночлег.

В комнатке оказалась настоящая дубовая кровать с периной и пушистым одеялом – непривычное богатство для Холмоlessкого княжества. Если б не Летава, я бы зарылся под одеяло с головой да проспал бы до самой зари, но девка закрыла дверь на ключик и принялась расплетать медовую косу. Я снял с пояса мешочек и поставил перед Летавой пузырёк с заговорённым настоем.

– Выпей прямо сейчас. Не хочу проблем, хоть ты и хороша

собой.

Летава потупила взгляд и послушно взяла в руки пузырьрёк.

– Выпью, Кречет. Ты умойся пока, вон таз с тёплой водой.

Отец сам для тебя согрел.

Значит, я не ошибся и уса́тый трактирщик родитель Лета́ве.

Я умылся, снял верёвку, стягивающую волосы, и сел к Лета́ве, которая уже ждала на перине, так же скромно глядя на свои сложенные на коленях руки.



Едва ночная темень подёрнулась мутным молоком, глаза мои сами собой раскрылись. Я не привык долго спать, пусть даже тело ломило от усталости. Наверное, прошло всего два-три часа, потому что в Топоричек я прибыл уже затемно. Лета́ва дремала рядом, доверчиво прижавшись щекой к моей груди. Я осторожно, чтобы не разбудить, перекатился на бок, но дочка трактирщика зашевелилась и промолвила сонно:

– Возьми меня в терем княжий, соколик.

Я сделал вид, что ничего не слышал. Так и знал. С самого начала знал, что она это скажет. Даже и не припомню девки, которая не заводила бы поутру подобный разговор. Всех их, сельских да деревенских, манит сказочный княжий терем, которого они и в глаза-то никогда не видели. Думается им

– соколы готовы всех любовниц туда приводить, чтобы им, красавицам, жилось там по-княжески. Но такого быть не может. Гонцы-соколы и сами подневольные, а князя не велят им заводить семьи, чтобы ничего не тяготило, не звало домой. Но красавицам кажется: всё это блажь, врут всё гонцы, чтобы жалели их да хмельным угощали.

Я оделся и проверил оружие. Всё на месте. Из поясных сумок не пропало ни единого сухого кусочка лисьедаха, ни одного целебного листочка и ни единой монеты. Стало быть, могу двигаться дальше, только Рудо нужно забрать.

Было слышно, как позади Летава ворочается на перине.

– Ну возьми, Кречет! – в голосе уже слышалась мольба. – Неужто я плохой подругой тебе была?

– Хорошей, – ответил я и обернулся. В нежных сумерках заспанное лицо Летавы было милым и жемчужно-розовым, как лепесток водяной лилии. – Но в терем тебе нельзя.

Летава недовольно сдвинула брови и свесила с кровати красивые белые ноги. Подошла ко мне в одном исподнем и обняла сзади, приникла тёплым мягким телом.

– Тогда другое для меня сделай, Кречет. Ты с лесовыми ведь дружишь?

Не можешь получить с овцы целую шкуру – отщипни хотя бы клочок. Легко же ты, Летавушка, попрощалась с жизнью в княжских покоях. И не чаяла, стало быть, просто так болтала – вдруг получилось бы.

– С кем-то вожусь. С другими не дружу, но и не вражду.

Она не уточнила, о каком именно лесовом завела речь. Здешними краями заведовал Смарагдель – один из четырёх Великолесских лесовых. Вот он-то был мне другом. Вторым после Рудо. Только я не собирался тревожить Смарагделя из-за почти незнакомой румяной девицы.

Летава дыхнула мне в шею, так жарко, что по спине побежали мурашки. Я замер. Интересно же, что этой плутовке надо.

– Замолви словечко, Кречет, миленький. Попроси не взимать дань в этом году. Или пусть корову возьмёт, ну или коня, только не братика моего.

Так вот оно что. Я повернулся и ласково убрал мягкую соломенную прядь Летава за ухо. Она умоляюще смотрела на меня синими глазами, почти чёрными в серой мути сумерек. Полные губы были приоткрыты, и у меня мелькнула мысль что, не будь я соколом, на такой девице можно было бы и жениться. Но никому нет пути назад из соколей жизни.

– Не могу ничего обещать.

Летава будто бы не знала, что делать – сердиться или бросаться в ноги и молить дальше.

– Соколик, Молеко слабенький совсем! Отец не сможет без него. Он на матушку так похож.

– На летавицу? – хмыкнул я.

– Так разные у нас матери, – потупилась Летава и отошла от меня.

Удивительно, но у меня что-то кольнуло в груди.

– Так если слабенький твой Молеко, какой отцу в нём прок?

Сказал и пожалел. Летава ушла в дальний угол и стала заплетать волосы, собираться.

Так было испокон веку, и кто я такой, чтобы просить нарушить заведённый порядок? Селяне, чьи дома теснились вдоль Трактов посреди Великолесья, должны каждый год платить лесовым за защиту и милосердие. Лесовой и чужаков отпугнёт, и дичь на охотника погонит, а мог бы осерчать за то, что в его владения вторглись да домов из его деревьев понастроили. За то лесовой просил плату: по невинной душе в год с каждого селения. Над чьим изголовьем зажжётся огонёк в макушку лета, тот, значит, избран лесовым и в урочный день должен уйти в лес, чтобы никогда не вернуться к родным, позабыть всё, сменить облик и примкнуть к стаям лешачат, носиться по чащам и выполнять мелкие поручения своих покровителей.

Я слышал, как Летава шмыгает носом. Видно, давно ждала сокола, чтобы за брата попросить. Но не я был виноват. Никто не согласился бы. С нечистецами трудно выстроить отношения, но легко разрушить. Я не хотел портить нашу дружбу со Смарагделем из-за незнакомого сельского мальчика. Если избрал тебя лесовой, зажжёт огонёк, то можешь пытаться сколько угодно, но не развязать тебе ниточки судьбы, не свернуть с дороги. Господин Дорог и Владычица Яви позаботятся о том, чтобы всё было так, как суждено.

– Не держи на меня зла, Летава, – попытался утешить. – И себя не вини, что не того сокола попросила. Мы все такие.

– Глаза у тебя – как льда куски, – зло бросила мне Летава, вытерев рукавом нос. – И душа такая же.

Я молча согласился с ней. Права красавица Летава, нет во мне ни сочувствия, ни милости.

Пошарил в кошельке и положил, не глядя, несколько монет на стол. И увидел свой пузырёк, который давал Летава накануне. Такой же полный, каким он и был.

– Я не выпила, – с ядом в голосе призналась девица. – Понесу от тебя, тогда точно в терем возьмёшь.

– Найди меня сначала, глупая. – Я сгрёб пузырёк, распахнул окно и выскочил на крышу трактирского крыльца, а оттуда спрыгнул во двор, за Рудо.

Не хотел, чтобы внизу меня встретил трактирщик. Пусть Летава бежит и жалуется ему, только пока расскажет, мы с Рудо ускачем уже далеко от Топоричка. А о знахаре других расспрошу.

Глава 2

Штиль и шторм

Её нашли на берегу – мёртвую и прекрасную, как январские сумерки. Светлые волосы спутались, разметались по берегу, и ветки прибрежных кустов запустили в них свои костлявые пальцы, будто хотели взять себе на память кусочек холодной красоты. Её губы когда-то были алыми, но теперь их подёрнула безжизненная синь. На груди под тонким прозрачным платьем чернели страшные глубокие язвы.

Её нашли на берегу, так сказали Ниму. И он даже видел её неподвижное спокойное лицо – мельком, издали, и ему тогда казалось, будто он подглядывает за спящей или больной, и от этого становилось чуточку стыдно.

Потом, когда её предали чёрной земле, кто-то на их улице сошёл с ума. Какой-то старик спятил, и он не был ни родственником, ни другом погибшей. Люди стали покидать деревню, боясь стать такими же безумными, как тощий бородатый сосед. Времена тогда стояли беспокойные, то и дело доходили слухи о целых деревнях спятивших, и никто не хотел повторить их участь. Хворь дошла из Княжеств до Перешейка, и оттуда люди устремились в Царство, дальше на юг, дальше от безумства и уродств, которые приносила болезнь.

Так Ним с родителями оказались в Стезеле, где он и про-

жил почти всю свою жизнь. Про мёртвую девушку и сумасшедшего старика он почти забыл, но так ему лишь казалось. Раз уж видел что-то, это останется с тобой навсегда. Осядет слоем пыли в дальнем углу памяти, а потом нет-нет да и всплывёт: во сне или просто так, взбудораженное чем-то случайным, взбаламученное со дна.

Ним внезапно вспомнил о мёртвой, когда увидел на площади у Зольмарской пристани попрошайку – у неё были такие же синие губы и язвы на шее, похожие на раны той незнакомки, полузабытой и давно погребённой.

Ним передёрнул плечами и отвернулся, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота. Чтобы отвлечься, он зашагал к торговым рядам.

Зазывалы громко расхваливали товары, приглашали в лавки. До отплытия ещё оставалось время, а лоточники манили ароматами пирогов и пряников. Ним вынул из котомки книжку, сшитую из чистых пергаментных листов, и угольный карандаш. Позади торговых рядов возвышалось святилище Золотого Отца – как водится, с круглыми золочёными куполами, даже в хмурый день сияющими в небе румяными луковцами. Ним зашуршал углём по пергаменту, изображая величавый силуэт святилища, и посетовал, что у него не было с собой красок, а то он заштриховал бы небо серым, а луковки куполов окрасил бы рдяно-золотым, таким чудесным цветом, каким наливаются сладкие поздние яблоки. Ничего, скоро у него будет столько красок, сколько он посмеет

пожелать.

Вокруг мельтешил простой люд, собравшийся на торг. Быстро разлетались пироги, бублики, сладкие булочки в виде птиц, сахарные петушки на палочках и глазированные пряники в виде святилищных куполов. Подальше, ближе к пристани, расположились торговцы рыбой и морскими гадами, и там стояла солёная рыбная вонь, от которой Нима начинало мутить, и он с ужасом представлял, что такой запах, вероятно, будет преследовать его во время всего далёкого морского пути.

Дорога страшила Нима, но больше страшили Княжества, куда ему предстояло отправиться. Говаривали, там творятся страшные вещи – даже после того, как оттуда ушла Морь. Земли кишат нечистецами, злобными существами, застрявшими где-то между жизнью и смертью, не людьми, но и не зверями... Когда-то давно и в Царстве встречались нечистецы, но Золотой Отец загнал тварей далеко на север, в сумрачные леса да студёные реки. Серебряная Мать тогда разгневалась, и они с Золотым Отцом долго гоняли друг друга по небосводу, а на земле мелькали день и ночь, сменяя друг друга по сотне раз за сутки.

Солоноводное княжество, наряду со Средимирным, считалось самым развитым и безопасным. Пожалуй, даже более безопасным, чем Средимирное, – по землям Солоноводного не тянулись дремучие леса, по которым рыскали лесовые, охочие до людских душ. Говорили, даже реки в Соло-

новодном были солёные, непригодные для жизни, и можно не бояться, что мавка или её покровитель-водяной затащат на каменистое дно, свяжут руки водорослями, а рот набьют склизкой тиной.

Кроме того, воды между Солоноводным княжеством и Царством непрестанно бороздили торговые суда. Из Царства везли ткани, пряности и сладкие сушёные плоды, из Солоноводного – меха, соль, мочёные ягоды и терпкий тёмный мёд. А ещё суда охотно брали попутчиков. За монеты, разумеется. Отец Нима подсуетился, договорился с капитаном, который готовился везти в Солоноводное торговцев и нагрузил судно сушёной хурмой, персиками и мелким сморщенным изюмом. Молодой черноволосый капитан согласился взять на борт юношу, а когда узнал, что тот собирается поступать в ученичество, да ещё и к художнику, в прославленное Солоноводное учебное святилище, – вовсе сбавил цену вдвое.

Путь предстоял не то чтобы долгий – месяц даже не успеет налиться полным ликом Серебряной Матери и пойдёт на убыль. Но Ниму было боязно впервые покидать родные земли, расставаться с семьёй и начинать новый путь.

Ним подрисовал ажурную лепнину и поставил в углу листа свои инициалы: *Н.Ш. – Нимус Штиль*. На него уже стали косо поглядывать лоточники. Станный парень, ничего не покупает, только пергамент рисунками пачкает. Ним устоял перед искушением и не купил даже сахарного петушка, ведь деньги ещё пригодятся в Солоноводном, глупо растрачивать

их на торжище. Он убрал книжку с карандашом и зашагал к пристани, стараясь не обращать внимания на сгущающийся вокруг него запах рыбы.



Первые два дня плавания дались Ниму тяжело. Отец предупреждал о коварстве морской болезни, терзающей даже привычных к водным путешествиям так жестоко, что порой забирала их души. Матушка нашла Ниму подушечек с нюхательными солями и со слезами на глазах просила почаще вдыхать ароматы, чтобы прогонять дурноту. Ним горячо пообещал ей всеми силами бороться с корабельным недугом и поклялся тут же по прибытии отправить письмо домой.

Пока судно готовилось к отправлению, Ним рисовал в книжке очертания города и стоящие на якорях корабли и долго не замечал, что ему через плечо заглядывает незнакомец.

– Красиво как, – вздохнул юноша, и Ним вздрогнул, черкнув грифелем через рисунок. – Я так не могу.

Ним с недовольным видом повернулся к чужаку. Тот был высок, тонок и темноволос, а в светло-карих глазах плескалось что-то похожее на зависть.

– Не всем дано, – напыщенно хмыкнул Ним.

Хоть ему не нравилось, когда за его работой подглядыва-

ли исподтишка, но от похвалы по лицу всегда невольно расползлась улыбка.

Ним как бы невзначай перелистнул страницу, показывая зарисовку святилища, которой он гордился.

– Научи меня, – выпалил незнакомец. – Пожалуйста. Я только буквы рисовать умею, ну, имя своё чтоб писать.

– Я и сам не вполне научен, – буркнул Ним в ответ. – Пы-
ву поступать в ученичество. Слышал про Солоноводное учеб-
ное святилище? Оно даже краше, чем Зольмарское в Цар-
стве. Там ценят искусства и ремёсла, ходит молва, что в Кня-
жествах обучают куда тщательнее, чем у нас.

– Чему же ещё учить, раз тебя так карандаш слушает-
ся... – вздохнул юноша. – А чудно́, да? Княжеские земли ди-
кие, а святилище-то красоте всякой учит.

Ним с ложной скромностью пожал плечами и добавил на
почти законченный рисунок несколько уверенных штрихов,
умело скрывая неверную чёрную линию, возникшую оттого,
что дёрнулась рука.

– Буду писать великие картины. Не карандашом по перга-
менту – цветными красками по холсту и доскам. Смогу пи-
сать людей так, что от отражения в зеркале не отличишь.

– Значит, нам выгодно стать друзьями, – улыбнулся юно-
ша. – Я – Фелдо Кихс. Сын торговца, что везёт сушёные
фрукты на этом судне. Напишешь когда-нибудь мой порт-
рет?

– Нимус Штиль. – Ним пожал протянутую руку Фелдо и

высокомерно добавил: — *Тебе* выгодно стать моим другом. А насчёт собственной выгоды я пока не уверен. Но готов выслушать твои предложения.



Едва судно набрало ход, расправило серые крылья-паруса и закачалось на волнах, Нима скрутила такая немочь, что он забился в свою тесную каюту, лишь бы не видеть, как горизонт клонится то влево, то вправо, не давая взгляду отдыха.

Фелдо таскал Ниму еду, но того непрестанно тошнило, а от матушкиных солей только сильнее болела голова, и единственное, что мог есть Ним, — это подсохшие корки серого хлеба, запивая их холодной водой.

— Долго ли ещё плыть, Фелдо? — со страданием в голосе спрашивал Ним, когда сын торговца приносил ему очередной обед, которому снова суждено было остаться нетронутым.

— Всё по милости Морского Хозяина, — разводил руками Фелдо. — Если он благоволит судну, если ему по нраву наш товар, то может доставить всего за половину оборота Серебряной Матери. Если нет — можем долго бултыхаться.

Ним застонал и распластался на спальном месте.

— Мы угостили его, — подал голос Фелдо после минуты неловкого молчания. — Фрукты недолго плавали на поверх-

ности, почти сразу пошли на дно. Значит, понравился дар. Отец говорит, волны нам помогают, а ветер непрестанно надувает паруса. Это хорошо, Ним. Скоро ты привыкнешь и будешь гулять по палубе, вглядываясь вдаль. Первым увидишь берег, Ним. Давай, вставай. – Фелдо шагнул к Ниму и схватил его за руку, пытаясь стащить с места. – Попробуй походить. Наверху солёный ветер освежит лицо, глаза порадуются морскому простору. Пошли, сходишь к отцу, он угостит тебя персиками, на вкус они – что ранний весенний мёд. Хватит лежать.

Ним вяло сопротивлялся, но всё-таки позволил поставить себя на ноги. В самом деле, качка хоть и донимала по-прежнему, заставляя голову трещать от боли, а желудок – корчиться мерзкими спазмами, он рассудил, что ему вряд ли может стать хуже. Фелдо забросил руку Нима себе на плечо, и они побрели к выходу из полутёмной каюты.

Ним ошибся. Его мгновенно скрутило, едва он увидел, как серый горизонт раскачивается, будто в пьяной пляске. Он едва добежал до борта и согнулся, безуспешно корчась и выплёвывая лишь проглоченную воду. Ним утёр рот тыльной стороной ладони и поднял голову. Впереди – лишь морская гладь, рябящая серебряным блеском, а над ней – набрякшие чернотой тучи.

– Недоброе небо, – посетовал Фелдо.

По палубе сновали матросы, и, обернувшись, Ним заметил, что серые паруса спущены. На помосте громоздились

бочки с товаром, не поместившиеся в трюмы, и моряки спешно проверяли крепления на случай бури.

Ветер налетел внезапно – лихой и дикий, страшный, такой, какого Ним никогда не знал в Царстве. Небо вмиг почернело, словно обуглилось, море вздыбилось горбами волн, и судно стало раскачиваться сильнее и сильнее, будто решило сбросить с себя весь груз и людей, словно блох.

– Ним, пошли отсюда! – крикнул Фелдо. Его голос потонул в криках команды и шуме волн. – Штормить начинается.

Он потянул Нима за рукав, но тот не смог сдвинуться с места. Жуткая чернота неба очаровывала, приковывала взгляд к себе, и ноги отказывались слушаться. Наверху раскатисто зарычал гром, гулкий и низкий, и казалось, будто звук проникает сразу в голову, чтобы одурманить и позвать за собой.

Судно сильно трянуло, что-то затрещало так, что заглушило даже раскат грома, и Ним почувствовал, как его тащит вниз. Вокруг резко стемнело, будто на мир набросили плотное одеяло, а на реях мачт вдруг засияли огни, резвыми светляками пробегая по дереву. С неба хлынул ледяной дождь, корабль начал заваливаться на бок, сбрасывая с мокрой палубы матросов, и Ним с криком покатился навстречу лютой воде.

Его тут же с головой накрыло волнами, воздух выдавило из груди, всё тело пронзило острым холодом. Он забарахтался, силясь вынырнуть на поверхность, но в воду падали катящиеся с палубы бочки, теряя крышки и разбрасывая су-

шнёные фрукты. Нима больно лягнул по рёбрам кто-то из команды, и он судорожно ухватился за ноги матроса, чтобы не уйти ещё глубже. В висках стучало потрясение; страх и холод стиснули внутренности крепкими кандалами. Ним уже приготовился к тому, что эти мгновения – последние и он никогда не доберётся до Княжеств и не вернётся назад, к матери и отцу.

В следующий миг Ним почувствовал, как его схватили за шиворот и потянули наверх. Он вскинул голову, с хрипами втягивая в себя воздух и отплёвываясь от солёной воды. Кругом плавали бочки, сталкиваясь на волнах деревянными боками и мешая людям выбраться на поверхность. Матрос, вытащивший Нима, теперь сам ушёл под воду, и над его головой сомкнулись волны с размокшими сухофруктами. Ним ухватился за край пустой бочки и изо всех сил старался не перевернуться. Это было сложно: огромные волны накатывали одна за другой, то утягивая вниз, то подбрасывая вверх, бушевал ливень, и всё вокруг сливалось в сплошное тёмно-серое марево, так, что нельзя было различить, где небо переходит в море.

Когда Ним мог разлепить глаза, заливаемые водой, он пытался найти Фелдо или капитана, но ему не удавалось различить знакомых среди одинаково напуганных и отчаявшихся лиц. Он крикнул, но закашлялся. Громыхали волны, стонало небо, кричали и отхаркивались люди, трещало дерево корабля, который уже лежал на боку и всё сильнее кренил-

ся, грозя окончательно перевернуться кверху брюхом. Нима на его бочке относил волнами всё дальше и дальше, как ни старался он развернуться и держаться ближе к остальным.

По мачтам снова пробежали огни, будто судно колотила предсмертная лихорадка. Паруса распластались по воде, похожие на крылья подбитой птицы, и те несчастные, кому не повезло оказаться под тяжёлыми полотнищами, уже не могли выбраться на поверхность.

Никому не было дела до Нима, увлекаемого волнами в царство Морского Хозяина. К боку бочки прибило обломанную доску, и Ним, собрав все силы, уцепился за неё. Вовремя: его с головой накрыло очередной волной, но доску хотя бы не крутило так сильно, как бочку.

Затрещав, корабль медленно перевернулся килем кверху, погребя под собой большую часть команды. Волны били по его бокам, и судно начало медленно погружаться под воду.

– Фелдо! – крикнул Ним, почти не слыша собственного голоса. – Фе-ел...

Новая волна высотой со святилище накрыла его с головой, поглотила серым мраком и могильным холодом.



Ним не мог понять, сколько часов или дней провёл в забвении. Он с трудом разлепил опухшие веки. Над головой на-

висало по-прежнему серое небо, но уже не пучившееся тучами, а побледневшее и поднявшееся. Ним попытался пошевелиться и проверить, целы ли кости. Всё тело будто одеревенело, ноги и руки не слушались, мышцы противно ныли. Но спиной он ощущал твёрдую землю. Его больше не качало, а изорванная одежда вроде бы успела высохнуть.

Грудь сдавило спазмом, и изо рта хлынул поток солёной воды. Ним с трудом перевернулся на бок, заходясь в кашле. Рёбра прострелила боль, но всё-таки Ним был рад: он жив.

Море успокоилось, безмятежная рябь серебристых волн не казалась сколько-нибудь опасной, и с трудом верилось, что ещё недавно эти самые волны погубили целое торговое судно. Ним повернул голову, не обращая внимания на стучащую боль в висках. Он лежал на каменистом берегу, а чуть поодаль темнел перелесок, состоящий из молодых елей и осин.

Ним ощупал свои руки и ноги – на первый взгляд они остались целы, только с правой стороны одно из рёбер болезненно отозвалось на прикосновение.

Язык распух и присох к нёбу, в животе тянуло от голода. Ним с трудом поднялся, прижав руку к больному месту. Голова тут же закружилась, в глазах потемнело, но он рассудил, что не может и дальше просто лежать на голых камнях. Может, удастся отыскать ручей и напиться, а если нет, то после грозы на земле и среди камней блестели лужи – сойдёт на худой конец.

Каменистое побережье и лес выглядели совершенно дикими, и не было похоже, что поблизости когда-либо жили люди. Нима начала бить крупная дрожь от усталости, холода и страха. На его счастье, действительно неподалёку бил ключ – совсем тоненький и слабый, но его хватило, чтобы напиться и умыться.

– Как это глупо: выжить в такую бурю и погибнуть в глухом лесу, – буркнул Ним, стараясь хоть как-то себя приободрить. Холодные капли стекали по шее под рубаху. – Если Морской Хозяин меня пощадил, может, и лесные твари помилуют?

Ним сделал шаг на нетвёрдых ногах. Сгущались сумерки, и ему было отчаянно страшно от мысли, что придётся провести ночь в тёмном лесу. Кто знает, на сколько вёрст тянется эта чаща? Кто скажет, что за чудовища встретятся ему там? Но вряд ли будет благоразумнее остаться на пустынном берегу. Отец говорил, что лес может спрятать и прокормить, если вежливо попросить его об этом. Ним и сам помнил, как приносил домой корзины, полные нагретых солнцем ягод и золотистых орехов, когда они с семьёй ещё жили в селении на Перешейке. Только их лес был светлым и приветливым, а здесь даже хилые молодые ёлки так яростно цеплялись друг за друга кривыми веточками, будто во что бы то ни стало не хотели пускать чужаков на свои земли.

Ним нарисовал пальцами у себя на груди круг – защиту Золотого Отца, а потом, подумав, добавил ещё и треуголь-

ник Серебряной Матери. Сумерки – странное время, никогда не знаешь, кому лучше помолиться.

Ним хмыкнул: он никогда не верил в Господина Дорог, но знал, что здесь, в Княжествах, у него часто просят благословения. Просить помощи у того, в кого не веришь, – удел трусов и сдавшихся. Трусом Ним никогда себя не считал, но допускал, что скоро может сдаться.

Он пригнул голову и шагнул под хвойные лапы. Ним где-то слышал, что лесовые не тронут, если вывернуть одежду наизнанку, а левый ботинок надеть на правую ногу, но не стал ничего делать. Обувь он потерял почти сразу, оказавшись в воде, а от одежды остались грязные лохмотья, которые наверняка развалились бы на части, если бы он попытался их снять.

В лесу сумерки становились гуще, чем на побережье, и Ним держал руки на уровне лица, чтобы ветки не хлестали по глазам. Временами его начинал душить самый чёрный страх, в собственном дыхании и шорохе своих шагов ему чудились голоса нечистецей, в мутно поблёскивающих каплях росы виделись глаза чудищ, а каждая тень казалась затаившимся лесным зверем.

Силы стремительно таяли. Ним осознал, что двигался по наитию, заставляя идти вперёд молящее об отдыхе тело, и каждый следующий шаг давался ему так тяжело, как не давалось ничего в жизни.

Без денег, без вещей, почти без одежды, один в чужих

неизвестных землях, далеко от дома и от учебного святилища, которое должно было стать конечной точкой пути. Что это за княжество? И княжество ли? В Солоноводном не должно быть таких лесов, тем более у самого берега. Что, если волны вынесли его на крошечный безымянный островок, вроде тех, какие никогда не обозначались на картах? А может, он вернулся в Царство? На Перешеек? Или, что совсем худо, его занесло в Мостки?

Ним зажмурился, прогоняя страшные видения, и отчаянно ломанулся сквозь подлесок. Над головой выплыл бледный лик Серебряной Матери, и Ним снова обрисовал пальцами треугольник на груди, прося защиты у ночной покровительницы.

Впереди вдруг что-то зазвучало. Не шорохом листвы и не треском ломаемых веток, даже не вздохами ветра и не криками сов. Ниму показалось, что там слышатся людские голоса, и он, раздвигая ветки, двинулся на звуки.

Нога соскользнула по влажной земле, Ним замер у края оврага. Впереди виднелись огни, и, приглядевшись, Ним различил очертания приземистых домов из посеребренных брёвен, костры и... пляшущих простоволосых женщин.

Обнажённые женщины дико вскидывали руки к небу, высоко задирали ноги, сплетались хороводами, толкали друг друга бледными телами и пели на разные голоса. Казалось, будто каждая из них – от самой юной девушки до древней седой старухи – тянет свою собственную песню, непохожую

на остальные. Таких песен не пели в Царстве. Ним сразу позабыл о жуткой усталости, о голоде и боли, привалился боком к старой, поросшей грибами и мхом осине и затих, прислушиваясь.

Эта песня отнюдь не была той, под которую хочется пуститься в пляс. И не той, какую будешь вспоминать во время застолий. Голоса женщин звучали резко, гортанно, музыкой им служил топот босых ног по твёрдой земле, а странные движения наводили на мысли о безумстве певуний. От костров тянулся мерклый сизо-белый дым, окутывал деревеньку и лес, и от него пахло чем-то едким, непохожим на обычный дым костров.

Ним не понимал, радоваться находке или пугаться. С одной стороны, он и не надеялся так быстро выйти на человеческое жилище, а с другой... Что, если эти женщины – жёны лесовых? Что, если они – русалки? Что делать, если он окажется прямо в когтях нечистецей?

Ниму не удалось додумать. Измождение взяло верх, он тяжело опустился на мшистую подстилку, глаза сами собой закрылись, и его снова накрыло серой непроглядной мглой – между сном и тяжёлым забытьём.

Глава 3

Лешачонок

Главное для любого сокола – не привязываться ни к кому. Ни к кому, кроме своего князя. Было несложно выполнять это правило, я и не знал, каково это: служить человеку не за золото, не в уплату долга, а просто так, по велению сердца. Только других соколов, может, и считал за братьев и сестру, но никогда не спрашивал себя, насколько верен им. Да и братство это было скорее вынужденным, как связи с дальними родственниками, когда люди видятся лишь по поводу чьих-то свадеб или поминок.

Наверное, правы были те девки, которые говорили, что вместо сердца у меня – ледяной камень со дна Русальего озера. Я и не думал их переубеждать, пусть пересказывают друг другу байки про Кречета, да не смеют предлагать ему свою преданную любовь.

Но с тех пор, как захворал княжич, что-то во мне переменялось. Стало беспокойно, и теперь я даже не мог понять, отчего так отчаянно пытаюсь найти знахаря: по приказу ли княжескому или по собственной нужде?

Княжич Видогост всегда мне нравился. Мальчику едва стукнуло семь зим, но он не был докучливым, как другие дети, а рос рассудительным и серьёзным, сразу видно – бу-

душий верховный князь. Даже Рудо разрешал Видогосту играть с собой и резвился, как щенок, когда мальчишка кидал ему палку. Мне бы не хотелось, чтобы Видогоста забрала хворь.

Я много спрашивал о знахаре, волхве волхвов. И в окрестностях Топоричка, и дальше – в Овражке, в Липоцвете. Никто давно уже его не видал.

Князю не нужны были ни другие знахари, ни волхвы, ни ворожеи. Только он, тот самый, который не имеет ни имени, ни дома и найти которого сложнее, чем лисьедухов цвет в ночь на Круговорот. Отыскать-то его непросто, но мне по плечу, как я думал.

Когда князю нужно быстрее доставить весть или посылку, мы с Рудо мчимся напрямик, и нас не волнует, что впереди: непролазная ли чаща, глубокое ли озеро или шустрые реки. Нас везде знают и даже помогут дети Серебряной Матери – нечистецы. Но сейчас наш путь пролегал по Тракту, петлял между городов и селений, и общаться нужно было с людьми, детищами Золотого Отца.

По-моему, это куда хуже.

Люди хитрые, может, даже хитрее нечистецей. И уж точно глупее. Там, где лесовой смолчит, усмехнётся, растает меж зелёных ветвей, человек схватится за топор и полезет в драку. Порой я сознательно пускал Рудо по глухим тропкам в обход деревень, чтобы не связываться с грубыми любопытными селянами, но в этот раз без людей мне не справиться.

Расположение селений вдоль Тракта я помнил наизусть, а простые путники и обычные гонцы могли определить их близость по запаху. Если свежий лесной дух становится остро приправлен дымом – значит, недалеко очаги и горячая пища. Но в этот раз, подъезжая к Арчовушку, я почуял не добрый дым домашних печей, томящих в каменных чревах супы и пироги, а горький смрад погребального костра. У Рудо шерсть на загривке встала дыбом: пёс тоже почуял смерть.

Я похлопал Рудо по боку, он сбавил скорость, позволяя мне спешиться. Маслянистый дым ещё висел у еловых вершин, мягко окутав колючие ветви, но запах был выветрившимся, полумёртвым. Впереди я увидел невысокую ограду, за ней – пасущихся чёрных коз. Чуть дальше из леса выступали потемневшие от времени избы, и выглядели они так, словно когда-то давно сами вышли из чащи на своих ногах, а потом осели на землю, вросли в траву и позабыли, что раньше умели ходить.

– Спросим быстро о знахаре, если никто не видел его, поскачем к Смарагделю, – шепнул я в мохнатое пёсье ухо.

Навстречу выскочила целая свора олек – небольших охотничьих собак с туго закрученными в кольца хвостами. Они подняли звонкий брёх, скакали вокруг Рудо, щёлкая зубами и не решаясь подойти ближе. Мой статный монф гордо прошагал мимо, не удостоив их даже взглядом.

На шум, поднятый ольками, вышли местные – трое мужчин и несколько мальчишек, жадно глядящих на нас и пере-

шёптывающих. Самый старший из мужчин прикрикнул на собак, и те разбежались, опустив хвосты.

– А князь нам подарков не прислал? – выпалил шустрый патлатый малец. Высокий бледный юноша – должно быть, брат – одёрнул наглеца.

– У князя нет для вас поручений и новостей, – произнёс я. – Только один вопрос, на который ответит ваш староста, если отведёте меня к нему.

Старший, прогнавший собак, приблизился ко мне и протянул руку.

– Я староста. Теремир. Спрашивай прямо тут, сударь Кречет. Видно, ты спешишь.

Мне не понравился ни его тон, ни его слова.

– Что, Теремир, даже не поднесёшь соколу калача с пенным? Или у вас всегда так встречают гостей?

Мужчина с длинной каштановой бородой тронул Теремира за плечо, словно хотел что-то ему подсказать, но староста покачал головой и прямо взглянул на меня: непреклонно, уверенно. Я люблю такие взгляды, в которых сразу читаются и сила, и ум. Может, я лично чем-то насолил Теремиру, а может, у него другие причины не жаловать гостей.

– Не ходи лучше, Кречет. Поберегись. Только сегодня захоронили хворого, разнесёшь ещё мор по округе.

– Так что же, знахари не помогли вашему хворому?

Теремир склонил голову.

– Не все напасти лечат знахари. От того, что унесло Ме-

рега, нет ни припарок, ни снадобий.

Я ощутил холодок в груди. Неужели несчастного унесло то же, что мучит княжича Видогоста? И, раз уж больной Мерег ушёл, великого знахаря тут вряд ли видели. Я постарался сделать так, чтобы ни одна тревожная мысль не отразилась на моём лице, и нарочито нагло ухмыльнулся.

– Есть один знахарь, пастырь всех знахарей. Разве ты, Теремир, не мог пригласить его для своего Мерега?

Спутники Теремира сурово переглянулись. Не будь я соколом, схватили бы за шиворот и отучили бы дерзить сельским старостам. Рудо рыкнул, будто невзначай, мальцы отскочили подальше, не сводя с нас любопытных взглядов, а ольки снова залились звонким лаем.

– Искать того знахаря – всё равно что ловить ветер ситом, – холодно ответил староста. – Ты не можешь не знать того, что он сам приходит туда, куда хочет, и нельзя его ни позвать, ни приманить.

Что ж, очевидно, мой волхв здесь не появлялся. Я и не надеялся так скоро его найти, но всё равно ощутил разочарование.

Рудо дёрнул ушами, прислушиваясь, и до меня тоже донёсся какой-то звук. Мальцы тут же насторожились, забыв про нас с псом, и бросились обратно в деревню, на шум. Крепкий длинноволосый юноша подбежал к Теремиру и зашептал что-то старосте на ухо, подозрительно поглядывая в мою сторону. Теремир кивнул, отослал юношу и махнул мне

рукой:

– Коли не боишься хворей, проходи, Кречет. Наш кабак напоит тебя, а в мыльне отдохнёшь. Меня зовут дела.

Я качнул головой.

– Не боюсь, если твои люди окурили улицы и дома.

Теремир обернулся через плечо, взглянув на меня с неприязнью.

Минуло десять зим с тех пор, как моровое поветрие выпустило Княжества из своих когтей. С тех пор в городах и сёлах осталась привычка окуривать дома можжевельником и пахучими маслами после каждой смерти. Во время Мори это едва ли помогало, но всё же знахари убедили люд, что смолистые запахи укрепляют тело и дух и прогоняют первые слабые признаки болезни. Своим дерзким словом я мог оскорбить Теремира, но мне не было дела до обид сельского старосты. Хуже ко мне относиться не станут, знают, что я сижу за одним столом с князем Страстогором в тереме, а ссориться с верховным князем нигде не решатся.

Внезапно я услышал, как кто-то истошно вопит: пронзительно, срывая голос. Так не кричат по пустякам, это был полный отчаяния вопль попавшего в беду. Мне стало любопытно.

– Поймай нам что-нибудь на ужин, – попросил я Рудо. – Охоться. Я скоро позову. Не будем тут задерживаться, поедим в пути.

Пёс лизнул меня в руку и с готовностью помчался в лес, а

я отправился туда, откуда доносился крик. Вопль повторился, и я расслышал грубые голоса и недобрый смех.

– Что там происходит? – спросил я паренька, спешащего туда же, к центру селения.

– Поймали вора, – возбуждённо ответил парнишка. Его глаза блестели в предчувствии развлечения.

Я поморщился. С ворами в деревнях никогда не церемонились. Если видишь в деревне или на Тракте хромого, припадающего на левую ногу, – скорее всего, перед тобой однажды пойманный вор. Тем, кто попался на воровстве, отрубали большой палец на левой ноге. Отучали присваивать чужое и ставили метку: раз хромает, значит, промышлял недобрым, будь с ним осторожнее. Конечно, многие со временем учились ходить как прежде, но иным не везло, и рана загнивала, тогда приходилось отнимать стопу выше, а то и по колено – кому как отмерит Владычица Яви.

Я увидел отблески высокого костра и людей, собравшихся вокруг. Это показалось странным: погребальные костры не жгли на деревенских площадях.

Растолкав толпу, я протиснулся в первый ряд. В лицо дохнуло жаром пламени. Сельские мужчины подкидывали дров, отчего целые стаи алых искр взлетали к самому небу.

– Вы собираетесь сжечь вора? – недоумённо спросил я у старухи, жадно взирающей на неистовствующий огонь.

Она посмотрела на меня как на несмышлёного юнца.

– То не просто вор, – ответила старуха. – То меченый.

– Что с того?

По дорогам Княжеств бродит множество меченых – выживших после страшного мора. Болезнь оставила следы на их телах. Уродства. Их гнали только поначалу, когда думали, что они могут принести новый мор. Постепенно к меченым привыкли, но всё же не допускали до привычных занятий и не любили, чтобы они селились в деревнях. Сжигать несчастного заживо за то, что он выглядит не так, как другие, – дикарская затея.

Я выпрямился во весь рост и сложил руки на груди, зная, что выгляжу довольно устрашающе. Это не моё дело, но отчего-то захотелось вмешаться. Было ли это решение происками Господина Дорог, которому понадобилось попутать нить моего пути? Не знаю. Но всё сложилось именно так, как сложилось.

Двое селян выволокли к костру грязного тощего юнца, который извивался и визжал так, что закладывало уши. Мальчишка был совсем мелкий и костлявый, непонятно, откуда у него взялось столько сил: мужчины с трудом удерживали его, пока к ним шёл третий, неся на плече топор.

– Так ему, трёх кур у меня стащил и яиц без счёту, – пробормотала старуха.

Мужчина занёс топор и с размаху опустил на ступню вора. Мальчишка завопил так, что даже у меня волосы встали дыбом. В толпе я заметил старосту Теремира, который равнодушно взирал на расправу. Захлёбывающегося криком во-

ришку поволокли прямо в костёр. И этого я уже стерпеть не мог.

– Именем князя Страстогора, остановите это безумие! – рывкнул я и бросился к селянам, которые уже были готовы толкнуть мальчишку в пламя. Малец теперь сопротивлялся вяло и только хрипел. Земля под ним почернела от крови. Я знал, что такое боль, и представлял, насколько он обессилел после знакомства с топором, особенно если раньше не сталкивался ни с чем серьёзнее тумачов и крапивных стеблей.

Селяне замерли. Мальцу повезло, что я оказался соколом Страстогора – князя, которому принадлежали эти земли. Имя князя подействовало на них, как бочка ледяной воды после беспутной пьянки. Я оттолкнул мужика с топором, схватил мальчишку за шиворот и отбросил от костра. Его драная одежда начала дымиться, а на грязной коже вспухли ожоги. Вблизи я смог разглядеть, что под слоем грязи его кожа отдаёт зелёным. Неужели лешачонок? Но чей? Смарагделя или Гранадуба? И как в таком случае он умудрился попасться людям?

– По указу князя никто не властен решать судьбу вора! Вы уже наказали его, так зачем же отнимать жизнь?

Мужики хмуро переглянулись, но не решались спорить с соколом.

– Он грабил нас, – буркнул тот, что держал топор. На лезвии блестела сгущающаяся кровь.

– Что с того? – рыкнул я. – Ты отнял у него палец. Он

будет хромать всю жизнь. Этого мало?

Другой встрял:

– Он же меченый! Ты часто видел зелёных людей?

Я видел не только зелёных людей. Я видел такое, что ни один из этих селян даже представить себе не мог. Я встал так, чтобы они не смогли добраться до мальчишки, сжавшегося на земле жалким дрожащим кулём.

– Меченые не опасны. Он не от хорошей жизни воровал.

– Так шёл бы к шутам!

– Может, он и шёл. Да только теперь дойти ему будет трудновато.

Младший из мужчин склонил голову. Раскаивался?

– Мы слышали, Морь возвращается, – тихо произнёс он. – У нас уже помер один, больше смертей не надо.

Я поискал глазами Теремира, надеясь, что хоть он образумит своих дикарей, но староста исчез. Во мне вскипел настоящий гнев.

– Я тоже слышал на своём веку немало небылиц. Но не бросаюсь убивать безвинных! Навлечёте на себя беды. Владычица Яви не любит, когда пути обрываются не её руками!

– Забирай его, сокол, коли так печёшься о воре, – буркнул бородач, в сердцах воткнул топор в землю и отошёл.

Толпа постепенно стала расходиться, разочарованно перешёптываясь. Селяне надеялись развлечься, глядя на сожжение мальчишки, а я сорвал всё зрелище.

Я хмуро, по-волчьи уставился на собравшихся селян, про-

вожая каждого взглядом. Они немного потоптались, и скоро мы с мальцом остались одни.

Опустившись на землю рядом с мальчишкой, похлопал его по плечу. Паренёк дёрнулся, зашипел и обернулся на меня, кляцнув зубами в опасной близости от моей ладони. Глаза его покраснели и блестели от слёз.

– Не скалься, – пригрозил я. – Я тебя от смерти спас. Должен мне будешь. А укусишь – уйду и не вернусь.

Костёр ещё горел, такой же злой и жаркий, разливая по земле алый и золотой свет. Я посмотрел на искалеченную ногу мальчишки и содрогнулся. То ли топор соскочил, то ли мужик не отличался меткостью, только вместо одного большого пальца мальцу отсекли два пальца и часть стопы. Такую хромоту уже не скроешь, как ни старайся. А ведь может начаться нагноение, и тогда придётся отнять стопу по самую щиколотку, а то и выше. Земля промокла от крови, которая никак не хотела униматься. Красная, значит, не лешачонок, а человек простой. У лесовых кровь зелёная. Я немного огорчился. Будь малец лешачонком Смарагделя, я бы привёл его к отцу, а в обмен попросил бы не забирать брата Летава. Ну, значит, не судьба помочь красивой девчонке.

Мальчишка притих, только всхлипывал и дрожал, сжавшись в комок. Сам он не встанет, это очевидно. И бросать его тут нельзя, кто знает, не вернутся ли селяне, чтобы закончить начатое, едва я покину деревушку. Или, чего доброго, истечёт кровью на моих глазах. Себе бы я этого не простил.

Ногой я выбил из костра небольшое бревно, потушил его, стянул свою рубашку и, обернув ею руку, схватил тлеющую головёшку. Поднёс к ране мальчишки, чтобы прижечь, и он снова завизжал, задёргался, попытался отползти, но я надавил ему на грудь свободной рукой, удерживая на месте, а второй продолжал прижигать скверную рану. Запахло палёным мясом.

Только убедившись, что кровь остановилась, а края раны подсохли, я перестал вжимать мальчика в землю. Он обмяк, закрыл глаза, а я спешно вытащил из поясного мешка пузырёк с маковым настоем и, вынув зубами пробку, влил всё до капли мальчишке в рот.

Выпрямившись, я отряхнул руки и развернул рубашку. Она была безнадёжно вымазана сажей и прожжена насквозь в нескольких местах, но я всё равно надел. Сунул два пальца в рот и свистнул один раз долго и два раза коротко, подзывая Рудо.

Местные, проходящие мимо, посматривали в нашу сторону с презрением и злобой. Я не отвечал на их взгляды, чтобы не злить ещё сильнее. На запах крови сбежались ольки и кружили чуть в стороне, страшась подойти к чужакам ближе.

Мой пёс скоро прибежал, перемахнул через ограду, отделяющую деревню от леса, и ткнулся мне в лицо большим мокрым носом. Он держал в пасти зайца, шерсть на морде промокла от заячьей крови.

– Ай, умница, Рудо, – похвалил я друга и потрепал по хол-

ке. Осторожно взял добычу из пасти и подвесил себе на пояс. Приготовлю позже.

Рудо обнюхал недвижно лежащего на земле мальчишку и лизнул его в грязную щёку с дорожками слёз.

– Что, Рудо, подвезёшь ещё одного седока? Да не переживай, он тощий совсем, заяц твой и то больше весит.

Рудо махнул хвостом, радуясь звуку моего голоса, и я истолковал, что пёс не будет против лишнего наездника. Я подхватил мальчишку. Он и правда оказался почти невесомым, будто даже кости были птичьими, полыми внутри. Я запрыгнул на спину монфа, устроил перед собой бесчувственного мальчика и легонько надавил пятками на бока Рудо. Пёс легко сорвался с места, уносясь из деревни прямо в Великолесье.



Если двигаться прямо по Тракту, потратишь много дней впустую, огибая Русалье озеро, а в конце пути попадёшь в Черень, столицу Чудненского княжества. Меня это не устраивало.

Я направил Рудо напрямик через чащу, в суровое Великолесье, пролегающее через территории сразу трёх княжеств и делимое четырьмя Великолесскими лесовыми, князьями всех лесовых. Так я хотел сократить путь, быстро добраться до других поселений, а между делом проведать старого дру-

га.

Мальчишка всхлипывал, не приходя в себя, и изредка принимался что-то бормотать. Рудо нёсся сквозь лес резво, радостно, под толстой шкурой перекачивались сильные мышцы. Я знал, как он любит свободные поля и дремучие рощи, какой радостью полнится пёсье сердце, когда лапы топчут не твёрдую землю и не городские улицы, а утопают в мягком мху и сочной траве, когда ароматный пряный ветер треплет шерсть, а нос щекочит запахи таящейся в кустах и норах дичи.

Стоял мой любимый час: когда день уже прошёл, а настоящий густой вечер ещё не наступил, и кругом – только серо-сиреневое безмолвие, прохладное и таинственное, подёрнутое зелёным туманом лесного дыхания.

– Лесовой заберёт, – жалобно прохрипел малец, не открывая глаз.

– Заберёт, – подтвердил я. – Если захочет.

Не в моих правилах утешать людей и внушать им то, чему не суждено сбыться. Ни для кого в Княжествах не секрет: свернул с Тракта – будь готов к неприятностям. Особенно если никогда раньше не был в Великолесье и не носил дары лесным хозяевам. А я как раз хотел предложить мальчика лесовому.

– Идёт уже. Вижу. За мной идёт.

– Да что ты видеть можешь с закрытыми-то глазами? – хмыкнул я, понимая, что мальчишка, скорее всего, даже не

услышит меня в своём состоянии.

Он бредил, не более того, но я на всякий случай стал внимательнее смотреть по сторонам. Рудо бежал ровно и уверенно, не было похоже, что нас встречают лешачата, потому что их мой пёс всегда узнавал и немного нервничал, а если бы увидел Смарагделя, то бросился бы ему навстречу, визжа и виляя хвостом.

Скоро глухая чаща перед нами расступилась, и я приказал Рудо остановиться посреди просторной лесной поляны. Изумрудный мох ковром устилал землю и укрывал стволы давно упавших деревьев. По краям поляны прятались земляничные кустики. В начале лета здесь стоял головокружительный аромат сочных ягод, напоённых силой Золотого Отца, а сейчас, на пороге осени, воздух был сырым и пах грибами. Посреди поляны темнело старое кострище, обложенное обугленными камнями. Я усмехнулся, ощутив прилив гордости. Об этом месте не знал никто, кроме нас со Смарагделем и его лешачат. Даже остальные пятеро соколов не подозревали о том, что великолесского лесового можно позвать, разведя костёр на поляне, спрятанной глубоко в лесу.

Я снял мальчишку со спины Рудо и уложил на мох. Он потихоньку начал приходить в себя и тонко хныкал, как обиженная девица.

– Так ноешь, будто тебе руку по плечо отсекли. Успокойся, жить будешь.

Малец застонал. Я и так истратил на него целый пузырьёк

макового настоя, на этом мой запас мягкосердечия иссяк. Утешать его не собирался и убеждать, что отныне его жизнь сложится самым расчудесным образом, – тоже.

Я набрал хвороста, развёл костёр, соорудил из двух рога-тин подпорку для вертела, заострил крепкую палку, освеже-вал тушку зайца, пойманного Рудо, и пристроил её на пал-ке-вертеле. Пёс тут же устроился у огня, не сводя голодно-го взгляда с зайца. Из уголка его рта свесилась нить вязкой слюны.

Мальчишка наконец разлепил веки и уставился на меня. Я только сейчас заметил, что глаза у него жёлтые, звериные. Судя по ввалившимся щекам, он давно не ел досыта и теперь с завистью смотрел на зайца, не прекращая тихонько скулить от боли. Ну, значит, не так уж и болит, раз проголодался.

– Как звать тебя? – спросил я, медленно поворачивая вер-тел.

Лешачата услышат запах дыма, прибегут посмотреть, кто хозяйничает в отцовском лесу, а узнав меня, тут же понесут-ся за Смарагделем. А если повезёт, то он сам учует и выйдет ко мне.

– Огарёк², – сорванным голосом ответил малец.

– Птичьи имена у нас обоих, – хмыкнул я. – Кречет.

– Не показалось, значит. Сокол, – прохрипел он и бессиль-но опустил голову на мох.

Ну что с ним делать? Видно, не попадался раньше, не при-

² Огарь – разновидность утки.

учен к боли. К тому же сильно вымотался. Раньше, наверное, у него получалось сбегать прежде, чем попадётся: вон какой худой и юркий. Что ж, жизнь каждому преподносит жестокий урок, кому-то — раньше, кому-то — позже. Огарёк сегодня получил свой, а может, потом получит ещё, если плохо усвоит сегодняшний. Я смотрел, как сок стекает по золотящейся заячьей тушке, и думал о том, что, спасши мальчишку, я впервые совершил что-то... доброе? Ещё и не по приказу, а повинувшись внезапному порыву собственной души.

Это было до крайности странное чувство.

Глава 4

Зажжём по свече

Ним не мог понять, очнулся ли он сам или что-то его разбудило. Одежда промокла от утренней росы, всё тело отчаянно болело, во рту было шершаво и кисло. Влажный лес беспрестанно звенел, шуршал, гомонил, и каждый звук казался чужим, недружелюбным, непонятным. В Царстве утра шумели иначе. Кликали звонко лоточники, постукивали колёса телег и экипажей, свистели стремительные стрижи и ворковали гладкие упитанные голуби.

Ним перевернулся на бок, припал губами к резным тройчатым листьям, растущим совсем низко от земли, и стал жадно слизывать росу. Листья оказались мягкими на ощупь, бархатистыми, и Ним вспомнил, что такие кустики росли вдоль оврага у них за домом на Перешейке. Земляника. Лето, конечно, уже вот-вот перейдёт в рдяную душно-пыльную осень, но можно ещё попытаться отыскать перезревшие кроваво-сахарные ягоды.

Кругом так шумно стрекотали невзрачные лесные птицы, что Ним не сразу разобрал приближающиеся девичьи голоса. Он насторожился, отяжелевшие мысли с трудом ворочались в голове. Ним попытался встать, затёкшие ноги плохо слушались, но ему всё-таки удалось подняться, держась за

тоненький осиновый ствол. Голоса звучали всё ближе, звонкие, весёлые, как весенние птичьи трели. Ним понимал, о чём они говорят, – язык Княжеств мало отличался от того, на котором говорили в Царстве, но вот странный выговор девушек мешал разбирать все слова.

Они показались из-за рощи, румяные, красивые, в длинных платьях с вышивкой по вороту и рукавам. Две девушки несли плетёные корзины, а третья – туес. Ниму стало стыдно за свой оборванный вид, но он всё равно выпрямился и постарался улыбнуться. Всё не так плохо: девушки помогут ему выйти на Тракт, любая дорога выведет в город, а оттуда он найдёт способ попасть в Солоградское учебное святилище.

Девушка с туесом первая заметила Нима. Она замолчала, замедлила шаг, а потом и вовсе остановилась, округлив глаза. Одна из подруг подёргала её за локоть, что-то быстро затараторив на ухо.

– Доброе утро, – слабым голосом произнёс Ним.

Все три девушки напряжённо замерли, а потом две из них завизжали, бросили корзинки на землю и кинулись наутёк. Ним недоумевающе посмотрел им вслед. Но больше его удивило то, что третья – та самая, что с туеском, – осталась и разглядывала его, нисколько не пугаясь.

– Ты кто такой? – спросила она и осторожно шагнула ближе.

– Нимус Штиль. Из Стезеля.

– Что это – Стезель?

Из-за местного выговора название города прозвучало как «Стъезэль».

Ним с грустью понял, что вряд ли эта круглолицая сероглазая красавица поможет ему попасть туда, куда нужно. Княжества велики и необъятны, один город от другого отделяют суровые леса и ветреные пустоши, а деревни и вовсе стоят особняком, и люди тут – дикие, ничем не интересующиеся, совсем не такие, как в Царстве.

– Город за морем, – тускло ответил Ним.

Девушка насторожилась, крепко прижала к груди туес и завертела головой, как синичка. Её губы испуганно приоткрылись, румянец спал с пухлых щёк. Она подбежала к Ниму и впихнула ему в руки свой туес. По сладкому сочному духу Ним понял, что туес заполнен поздней сахарной земляникой.

– Беги скорее, чужеземец, – зачастила девушка. – Деревенские обозлённые, мрут у нас детки и скот. Дуры мои раззвонили уже, небось. Беги, а землянику съешь.

Ним хотел ответить, что вряд ли сможет бежать, слишком болело всё тело, а сил почти не осталось. Девушка встрепенулась, как будто что-то вспомнила, и сняла с шеи замшевую верёвочку с грубым необработанным камнем, похожим на кусок розового кварца.

– Держи тоже. Чтобы лес не обидел. Потеряла, скажу. Жалко будет, если пропадёшь, такой красивый и городской. Она нацепила верёвку Ниму на шею и толкнула его вбок.

– Беги. Потом встретимся, может. Расскажешь про Сте-
зель свой.

Со стороны деревни слышался шум – мужские голоса
выкрикивали что-то пугающее, враждебное. Ниму и правда
стало страшно, он вдруг понял, что испуг в девичьих глазах
не напускной, а настоящий.

– Спасибо, – выдавил он и ломанулся через лес в ту сторо-
ну, куда его толкнула девушка. Она проводила его взглядом,
а потом перекинула за спину свою толстую косу и бросилась
вниз с лесистого холма, к деревне.

Ним изо всех сил надеялся, что не все селения и города
Княжеств такие же странные и неприветливые, как это. Не
может ведь такого быть, чтобы учебное святилище размести-
ли в таком жутком месте!

Ним на ходу запустил руку в девушкин туес и запихнул
в рот горсть земляники. Ягоды были перезревшие, чуть под-
вяленные на солнце, нестерпимо сладкие и самую малость
хмельные – в Царстве таких не сыщешь, а если и увидишь
на торжище, то купец заломит за них такую цену, что купят
их только знать и богачи.

Непривычно было бежать через лес, когда ноги знали
только каменные мостовые и утопанные грунтовые дороги.
Сначала Ним берёг стопы и бежал почти на цыпочках, чтобы
не напороться на острую ветку или не наступить на колючее
растение, но скоро понял, что так ему не удастся далеко уйти
– тем более что если селяне решат схватить его, то без труда

найдут по смятым кустам и поломанным ветвям.

К счастью, лес оказался не дремучим, скоро показался просвет, и Ним вывалился на широкую грунтовую дорогу. Он прислушался. Вроде бы звуков погони не доносилось, значит, селяне не собирались украсить его головой деревенские ворота. Он облегчённо выдохнул и затравленно огляделся. От увиденного его мрачное настроение не поднялось.

Тракт – а в том, что дорога была именно трактом, Ним не сомневался, – тянулся слева направо, теряясь обоими концами в лесах и перелесках. В какую сторону идти, Ним не имел ни малейшего представления. Солнце ещё не выкатилось из-за еловых макушек, под холмом стелился прохладный туман. Перелесок потрескивал и шуршал, и Ним опасался, что может стать лёгкой добычей хищных зверей или, что ещё хуже, нечистецей.

Он немного постоял, прикидывая, в какой стороне может быть Солоград, но так ничего и не решил. Неизвестно, куда его забросили волны: к западу или к востоку от столицы Солоноводного Княжества. В конце концов Ним рассудил, что по Тракту могут проезжать телеги купцов, а ещё он слышал, что даже в Княжествах можно наткнуться на частного извозчика, так что решил пойти в ту сторону, где деревья росли пореже. Лучше идти через поле, чем блуждать по сырой чаще.

Утро стояло студёное, бледное, совсем не похожее на звонкие, сочные, ароматные утра в гомонящем Стезеле. Ним

подумал, что ему повезло попасть в Княжества летом. Он бы не выжил, случись кораблекрушение среди зимы. В Княжествах зимы долгие, глухие и жестокие, от морозов стекленеют реки, а бесконечно высокие ели замирают свечами, и тонкие иголки звенят и стонут, плача о далёкой весне. А уж если налетит вьюга, пригнанная злым стариком с ледяной бородой, то гибнет от стужи всё, что не успело попрятаться в норы, дупла, берлоги и избы. Но зимой исчезает другая опасность: зимой нечистецы спят, остаются лишь те, что жмутся у людских жилищ, — домовики и банники, но они безобидны, не то что лесовые и водяные.

Ним думал: волнуется ли за него мать? Слышала ли о загубленном торговом судне? Или думает, что сын благополучно добрался в Солоград, и ждёт от него вести? Весть будет. Обязательно будет, как только Ним найдёт возможность отправить письмо.

Лес немного отступал от широкой дороги, будто кто-то корчевал молодые деревца, оставляя только душистые травы и жёлтые стрелки ведьминых свечей³. Попадались и большие выкорчеванные пни, похожие на поверженных широкоплечих воинов. Однако даже от светлого перелеска, даже от ярких сосновых стволов и пёстрых цветочных гроздей веяло чем-то неведомым, чужим и страшным, враждебно-колдовским, но Ним запрещал себе думать о чём-либо, кроме цели. Он обязательно попадёт в Солоград. И никакое лихо не

³ Другое название цветка коровьяка.

сумеет ему помешать.

Справа от Нима вдруг всколыхнулись кусты, затрещали ветки, и Ним сделал шаг назад, готовый в любой момент броситься бежать. Из леса могло выйти что угодно, и воображение уже начало рисовать образы огромных диких зверей и неведомых чудовищ, которыми, по слухам, полнятся дремучие чащи Княжеств. Ветви кряжистого вяза дрогнули, и на дорогу хлынул стрекочущий поток. Ним замер, не понимая, броситься назад или попытаться спрятаться в перелеске. Что-то ухнуло в груди, но тут же отпустило, когда Ним понял, из чего состояла лавина.

Десятки белок перебегали через дорогу, словно гонимое пастухом стадо. В Стезеле Ним только раз видел белку: худую и серую, с редкими рыжими подпалинами по бокам. Но здешние белки были совсем другими. Серые, коричневые, рыжие, тёмно-бурые, крупные и упитанные, с роскошными длинными хвостами. Они невозмутимо пересекали Тракт и скрывались в перелеске, не обращая на путника никакого внимания. Может, за ними гналось что-то страшное?

Вслед за белками между сосновыми стволами показалась лобастая голова с крошечными чёрными глазами. Сминая кусты и травы, из леса выступил мощный зубр. Под коричневой шкурой перекачивались сильные мышцы, рога мутно поблёскивали в лучах просыпающегося солнца. Язык Нима присох к нёбу. Он никогда не видел ничего подобного.

На спине зубра восседала обнажённая девушка. Вернее,

это существо вряд ли относилось к людскому роду, но Ним не знал, как иначе её назвать. У девушки была тускло-мшистая кожа, спутанные серые волосы и мерцающие глаза. Голову украшал венец из тонких веток, беспорядочно воткну-тых в гнездо волос, на грудь падал воротник из пёстрых перьев диких птиц. Лесная девушка повернула голову, и за короткий миг, что она смотрела на дорогу, Ним успел заметить, что её лицо совсем не походило на человеческое, а было диким, странным, непропорциональным – но всё равно притягательным.

Будто повинувшись чарам, зубр вдруг стал съёживаться, вжиматься в землю и за считанные мгновения превратился в замшелый пенёк. От девушки остался лишь пучок зеленоватых поганок, торчащих из пня.

Ним затряс головой. Страшные, странные места! То ли воздух дурманит, то ли он в самом деле встретился с волшебной, о которой его предупреждали все, кто знал, что он отправляется в Княжества. Отец говаривал, будто нечистецы готовы забирать к себе всех, на кого упадёт их взор. Забирать и делать такими же, как они: рогатыми чудищами, бездушными и бездумными.

Стрёкот белок затих, стая скрылась в лесу, снова стало тихо. Ноги плохо слушались и кровь холодела, когда Ним проходил мимо пня, который выглядел, словно испокон веку стоял тут, у самой кромки Тракта. Ним решил уговорить себя, что ему в самом деле померещилось, что он всего-навсе-

го увидел пень, а всё остальное оказалось лишь игрой света, тени да растревоженных мыслей.

Ним поравнялся с пнём и бросился вперёд изо всех сил, не жалея ног. Он не оборачивался, но мог бы поклясться, что за его спиной мелькнула тень в виде зубра и его всадницы.



По дорогам Царства постоянно мельтешили телеги, повозки, двуколки – из окна дома можно было увидеть, как снуют по широким улицам одиночные всадники и торговцы, как вальяжно переваливаются целые вереницы гружёных обозов. А уж в центре Стезеля от топота конских копыт и скрипа колёс порой закладывало уши.

Ним брёл уже полдня. Туес с земляникой быстро опустел, зато Ним обнаружил тонкие стебли гороха, запутанными клубками растущие вдоль дороги. Многие стручки уже полопались, закрутились сухими кудрями, а те горошины, которые Ниму удалось отыскать, оказались плотными и горьковатыми на вкус, скорее похожими на орехи. Видно было, что горох нарочно сеяли вдоль дороги, чтоб путники могли хоть как-то восполнить силы, а потом он и сам разросся, обронил сотни дробинок-семян и оплёл стеблями кусты и жёсткие травы.

Попасть в город оказалось сложнее, чем Ним предпола-

гал. Дорога бесконечно вилась под ногами, а сосновый лес так же высился слева и справа. За время пути Ниму встретились всего двое. Один – крестьянин на дровнях, так нагруженных сеном, что было удивительно, как невысокая лошадка умудряется их тащить. Старик не взял Нима с собой, объяснив, что места нет, а на вопрос, где находится Солоград, неопределённо махнул рукой в сторону – благо хоть в ту же, куда шёл Ним. Вторым был мужчина верхом на взмыленном тёмно-сером коне. Он промчался так стремительно, что Ним едва успел отскочить в сторону. Наверное, это был один из гонцов. В диких Княжествах легко можно было сгинуть, потерявшись среди лесов; на здешних обширных землях проживало слишком мало людей, а суровые князья предпочитали посылать гонцов с любыми поручениями. Ним слышал и о соколах – особых гонцах, которых готовили для выполнения самых ответственных и сложных заданий. Поговаривали, что соколы нужны для того, чтобы убивать неугодных князьям, вызнавать тайны других князей и, что казалось совсем невероятным, договариваться с нечистецами. Ним не думал, что всадник был кем-то из соколов. Соколы представлялись ему широкоплечими великанами в латах, с оружием на поясе, настоящими яростными воинами. Ходили и ещё более удивительные слухи: будто кое-кто из соколов скачет верхом не на коне, а на огромном свирепом псе, который рвёт и волков, и медведей, и лихих людей. Ним в это не верил, только рассмеялся, когда об этом рассказывал усатый знакомый отца.

Впрочем, после стаи белок и девушки верхом на зубре уже казалось, что гонец на псе – не такое уж невероятное явление для Княжеств.

От слабости и усталости Ним едва переставлял ноги, и единственным, что двигало его вперёд, было упрямство. Если есть дорога, значит, она куда-нибудь да приведёт. Раз он уже здесь, то должен куда-то прийти. Если только не свалится без сил и не станет чьей-то добычей.

Когда Ним услышал топот лошадиных копыт и поскрипывание колёс, то почти не испытал никакого воодушевления. Он сошёл с дороги и сел на обочине, обречённо сгорбившись. День разогрелся, и солнце надоедливо пекло ему в макушку.

Повозка с просторным закрытым кузовом, сплетённым из тонких ветвей, катилась как раз в ту сторону, куда шёл Ним. Тянули её три могучие лошади. Несмотря на звенящую усталость и докучливую боль во всём теле, Ним залюбовался конями и ладной, аккуратной повозкой, в которой, должно быть, могло уместиться не меньше четырёх человек. К удивлению Нима, возница остановился напротив него и вопрошающе взглянул из-под густых коричневых бровей.

– Подсобить, путник?

Снова тот же неразборчивый говор, как у девушки в лесу. До Нима не сразу дошло, что ему наконец-то улыбнулась удача. Он медленно встал, пошатываясь, подошёл ближе к вознице и слабым голосом проговорил:

– Мне бы в Солоград.

Возница удивлённо хмыкнул.

– Так это Солоноводное, не по пути мне. В Коростелец поедешь?

Ним слишком устал, чтобы злиться или расстраиваться. Ему бы хоть в маленький городок попасть, там легче будет. Найти бы почтовую станцию и отправить письмо родителям в Стезель, взять у кого-нибудь денег в долг и наконец-то добраться до Солограда. Но есть ещё одна трудность...

– Мне нечем платить, – вздохнул Ним.

– Вижу уж, – проворчал возница.

Ниму было стыдно стоять перед незнакомым человеком в оборванной дорожной одежде, и он постарался выпрямить спину, чтобы чуть меньше походить на бродягу. Рёбра сразу отозвались ноющей болью.

– Полезай, отвезу. Потом расплатишься, как сумеешь. Вижу, в беду попал, как бы с тобой чего похуже не случилось, а то разное говорят. Полезай.

Ним горячо поблагодарил возницу и не без труда влез в повозку.

Внутри уже сидели трое юношей. Один – немного младше Нима, светловолосый и сероглазый, в домотканой рубахе с расшитым воротником, другой – хмурый, нахохленный, с чопорным выражением на лице с резкими чертами. Третий незнакомец сидел, уронив голову на руки, и Ним смог разглядеть только то, что его тёмно-рыжие волосы обкромсаны

неровно, словно пьяным цирюльником.

– Добрый день, – вымолвил Ним и без сил опустился на скамью рядом со светловолосым. Усталость и боль набросились на него с неожиданной яростью, и Ним заснул, не дожидаясь ответа.



Он проснулся оттого, что повозка резко остановилась. Свет, падающий внутрь через окошко с редкой решёткой, был зеленоватым, сумеречным. Значит, уже почти вечер. Всё тело Нима жутко ломило, к тому же его начало знобить. Ним застонал, надеясь, что попутчики не заметят этого проявления слабости.

Светловолосый юноша извивался, пытаясь разглядеть что-то в окне.

– Чего стоим? – выкрикнул он.

– Да тут что-то... – донёсся приглушённый голос возницы.

Обкромсанный и хмурый молчали, оба – странным молчанием. Первый будто был погружён во что-то вязко-горестное, что сдавливало горло и мешало говорить. Второй – надменно и гордо, словно не мог опуститься до разговора с таким отребьем, как возница и попутчики.

Повозку тряхнуло так, что Ним слетел со скамьи. Светло-

волосого отшвырнуло от окна, и он завалился на Нима, ударив локтем в живот. Снаружи испуганно заржали лошади, и не просто испуганно, а исступлённо, словно что-то неведомое привело их в настоящий ужас.

Тряхнуло снова, да так сильно, что ещё немного, и повозка бы перевернулась вверх дном. Возница закричал. Повозку кто-то раскачивал, кони пытались рваться вперёд, но им что-то мешало. Ржание переросло в неразборчивые вопли, от которых кровь стыла в жилах, а потом и возница завизжал так, будто его разрывали на куски.

– Что же там за... – прошептал светловолосый.

Хмурый юноша поднёс палец к губам – молчите, мол, и зачем-то показал четыре зеленоватые свечи, которые держал за пазухой. Светловолосый кивнул. Обкромсанный испуганно жался в угол, пряча лицо в ладонях, его колотило, но он по-прежнему не издавал ни звука.

Несколько мгновений возница и лошади продолжали страшно шуметь, к их крикам примешивались чьи-то звериные хрипы, и Ним отчаянно молился Золотому Отцу, чтобы неведомые твари не решились заглянуть внутрь повозки. Так страшно ему не было, даже когда холодные волны накрывали его с головой.

Наконец всё стихло, но это была не спокойная, а жуткая, зловещая тишина. Повозка накренилась в последний раз и со скрипом повалилась на бок. Ним упал лицом вниз, светловолосый юноша подал ему руку, чтобы помочь подняться,

и Ним едва заставил себя пошевелиться – ужас буквально сковал его.

– Нечистецы? – прошептал он побледневшими губами.

Хмурый мотнул головой. Он сунул одну из свечей Ниму, а затем раздал оставшиеся. Ним ничего не понимал, но сжал тоненькое восковое тельце в пальцах. Запахло мёдом и какими-то лекарственными травами, и от этого духа стало немного спокойнее.

Хмурый юноша прислонился ухом к плетёной стенке, замер ненадолго, а потом осторожно открыл дверцу, которая теперь оказалась над головами путников. В повозку хлынул разбавленный сумеречный свет. Юноша поманил за собой остальных и выбрался наружу. По-прежнему стояла тишина.

– Полезем тоже, – произнёс светловолосый, обращаясь сразу и к Ниму, и к обкромсанному. – Он-то жив вроде... Не орёт пока что.

Ниму не хотелось вылезать, он боялся увидеть то, что снаружи, боялся стать новой жертвой, боялся снова провести на ногах мучительно долгие часы... но не оставаться же одному среди дороги в опрокинутой повозке? Светловолосый бойко выбрался и издал какой-то странный звук. Ним толкнул в плечо обкромсанного, который продолжал делать вид, что ничего не слышит и не видит, а сам неохотно протиснулся наружу.

С боков Тракт по-прежнему обнимал лес, зато впереди виднелось поле, а за ним мигали огни. Ним бросил взгляд на

дорогу и едва сдержал рвотный позыв.

Кони и возница лежали на земле, под ними расплывались липкие чёрные лужи. Их тела остались почти целыми. Всем лошадям перегрызли горло, а у возницы вместо лица влажно блестело кровавое месиво. Ним охнул и поспешил отойти в сторону, чтобы не видеть мёртвых. Но тут же спохватился: надо держаться вместе, нельзя приближаться к лесу, мало ли что выйдет оттуда... Ним вцепился в свою свечу, будто она могла его спасти.

– В лес, – вдруг скомандовал хмурый. Голос у него оказался надтреснутый и будто сухой, как хруст ломающейся ветки.

– Ты помешанный? – зашипел на него светловолосый. – В лесу нас сожрут! Хочешь стать таким же? – Он махнул дрожащей рукой на мёртвого возницу.

Хмурый дотронулся пальцами до фитиля своей свечи. Ним не поверил своим глазам, но фитиль зажёгся красноватым пламенем. Юноша поочерёдно подошёл к своим попутчикам и так же зажёг их свечи, просто зажав фитили двумя пальцами. Ним смотрел на свой огонёк, пляшущий в пропахшем кровью сумраке, и не хотел отводить взгляд. Колдовство. Определённо какое-то дикарское колдовство, опутывающее сознание своими чарами.

– Никто тебя не тронет, пока свеча горит, – вкрадчиво объяснил хмурый колдун, как его про себя прозвал Ним. – Идём в лес.

Он зашагал с дороги с такой твёрдостью, что Ним почти

против воли двинулся следом, зачарованный его уверенностью. Усталость и потрясение мешали думать, и единственное, чего ему хотелось, – это позволить кому-то другому решать за себя.

Темнело стремительно, словно кто-то задёргивал занавески, погружая мир в крошечную тьму. Голова Нима гудела от множества вопросов, но он был слишком напуган и слишком слаб, чтобы спрашивать. К счастью, светловолосый парнишка, казалось, вовсе не растерялся и озвучил почти то же самое, о чём волновался Ним.

– Кто ты такой?

Хмурый обернулся, сверкнув недобро прищуренными глазами.

– Свечник.

Светловолосого этот очевидный ответ вроде бы устроил. Ним не понял, почему тот многозначительно замолчал. Будто одно слово объясняло сразу многое и во многом обнадёживало. Наверное, это была какая-то загадка, разгадать которую дано лишь тем, кто всю жизнь прожил в Княжествах.

Юноши углубились в лес, совсем тёмный и сырой, свет их свечей окрашивал влажные от росы листья в зловеще-багровый. Светловолосый подхватил Нима под локоть, когда заметил, что он отстаёт и спотыкается на каждом шагу.

– Спасибо, – выдавил Ним. По представлениям, сложившимся у него о жителях Княжеств, его должны были бросить, едва заметив, что он всех задерживает, но по какой-то

причине ему даже помогли. Странно.

– Чем нас больше, тем безопаснее, – с ухмылкой возвестил светловолосый. – Я Энгле.

– Нимус Штиль.

– Эй, а ты, свечник? – громко шепнул Энгле.

– Велемир, – буркнул он, не оборачиваясь.

Энгле завертел головой. Юноша с обкромсанными волосами плёлся позади, отстав даже сильнее, чем отстал бы Ним без помощи. Обернувшись на него, Ним заметил, что у того нежные, почти девичьи черты лица, а нос усыпан веснушками.

– Давай, шевелись. Как зовут? – шикнул Энгле на отстающего.

Юноша поднял на него испуганные покрасневшие глаза, но ничего не ответил. Будто воды в рот набрал.

– Немой, что ли? – дёрнул плечом Энгле.

К радости Нима, свечник Велемир не стал уводить своих случайных знакомых глубже в лес, а повёл вдоль узкого ручья, поблёскивающего в свете четырёх свечей. Горячий воск капал на пальцы, и Ним уже готов был выбросить свечу, но Энгле будто прочитал его мысли и выше приподнял руку Нима.

– Уронишь – нам всем хуже будет.

Ним не стал ничего спрашивать. Все дни, прошедшие с его отъезда из Стезеля, стали для него одним сплошным тягучим, страшным и нелепым сном. Он давно перестал пы-

таться понять, что происходит и куда они идут. Руки Энгле крепко поддерживали его, не давая упасть, огоньки свечей маячили в темноте красными путеводными звёздами, и Ним просто доверился – Серебряной Матери, Золотому Отцу и на всякий случай мысленно попросил помощи у Господина Дорог.

Глава 5

Лесной хозяин

Князь строго-настрого запретил возить больного княжича в лес или просить иной помощи лесовых. Отчего-то он как огня боялся чар нечистецей, но гордился тем, что его сокол знает с ними. Я не мог с ним спорить, но никто не запрещал мне разведать самому.

Костерок прогорел, я засыпал уголья прелыми листьями и землёй. Мы с Рудо съели свой нехитрый ужин и теперь терпеливо ждали. Я поглядывал на Огарька. Мальчишка спал беспокойно, вздрагивал и что-то бормотал, я не прислушивался. Ни к чему впускать себе в голову чужие тяготы, со своими бы разобраться. Я припас ему кусочек заячьей тушки и завернул в тряпицу – поест, когда проснётся.

Смарагдель медлил не со зла, он и не думал испытывать наше с Рудо терпение. Для того, кто сотни лет правит самым тёмным из лесов, часы не значат ничего. Нельзя таить обиду на тех, кто так же далёк от людской жизни, как вольная рыба далека от душных птичьих гнёзд. Лесовой явится, но когда – знает лишь он сам.

К моему облегчению, ждать слишком долго не пришлось. Я и так чувствовал напряжение: ещё бы, вместо того чтобы искать помощи для хворого княжича, вожусь в лесу с дере-

венским воришкой. Бросить бы его здесь да снова поскакать на поиски волхва! Но что-то держало меня, приковывало к мшистой земле. А может, я просто искал себе оправдания.

В верхушках деревьев закружил ветер, посыпались сосновые иглы и мелкие ольховые шишки. Я ухмыльнулся, гадая, в каком обличье явится Смарагдель на этот раз. Лесовые и водяные – великие мастера перемены обликов, а у Великолесских лесовых и вовсе бесконечный запас лиц и тел. Они сами решают, перед кем в каком обличье явиться – и явиться ли вообще. Могут зайти в деревню плешивой лисой, встретить путника гнилым пнём, напугать охотника яростным туром, а перед девушкой предстать видным красавцем в богатых одеждах. Есть у каждого лесового излюбленный облик, который тот принимает чаще всего, и они могут дурить друг друга и встречающих людей, меняя обличья, словно щёголь – наряды.

Прямо передо мной из земли вдруг вырос широченный ольховый пенёк, обхватом, что стол в княжьем приёмном зале. Из чащи выскочили лешачата и лесавки, весёлые, беззаботные, как весенние птицы. Знали, что друг пожаловал, а если бы чуяли врага, налетели бы скопом, защёлкали бы острыми зубами; не разорвали бы, конечно, но запугать до седых прядей запросто могли бы. Рудо завилял хвостом, а я тяжело вздохнул, когда увидел, что плутовки-лесавки тащат бочонки с брагой, миски с грибами и пышные хлеба. Собирали для меня яства, значит. Не удастся быстро уйти.

Я угадал. Смарагдель избрал своё любимое обличье, и передо мной появился статный молодой мужчина – красивый, но не той нежной красотой, от которой млеют юные девушки. Для меня он не стал сильно стараться и оставил неестественно яркие изумрудные глаза, которые горели на его резковатом лице, как печные угли, в коротких волосах торчали тонкие рога, похожие на заострённые веточки, а чёрные пальцы переходили в длинные когти цвета сажки. Конечно, если б он решил явиться незнакомцу, то подготовился бы с бóльшим тщанием: тогда лишь по цвету кожи можно было бы отличить человека от притворившегося нечистеца – у лесовых кожа неизменно отливала лёгкой зеленцой, а у водяных – сероватой голубизной.

– Хвала Серебряной Матери, ты снова пожаловал в мои владения, друг Лерис.

– Кречет, – поправил я. Конечно, Смарагдель снова станет называть меня истинным именем, данным при рождении, хотя бы чтобы просто подразнить.

Лесовой хитро ухмыльнулся и медленно, церемонно протянул мне узкую чернопалую длань. Я не стал манерничать, шагнул к Смарагделю и стиснул его в медвежьих объятиях. Рудо повизгивал, как малый кутёнок, и тыкался лобастой головой Смарагделю в лицо.

Лесовой мог бы запросто переломить все рёбра и самому могучему из воинов, смертный никогда не потягается силами с нечистецом, но я не боялся, что Смарагдель навредит

мне. Он сжал меня в ответ – ровно так, чтобы объятие было по-дружески крепким, но не болезненным.

– Мои дети приготовили стол, – проговорил он. Смарагдель даже в человеческом облике напоминал дерево. Голос его был скрипуч, а движения неторопливыми, плавными. Так стонут стволы в злую бурю, так колышутся ветви на ветру: с оттяжкой, с могучей ленцой.

– Погоди поить меня брагой, – хмыкнул я. – Сначала проверю, действительно ли ты передо мной, старый друг, или кто-то другой надел твою личину.

Смарагдель мигнул глазами и покорно сделал шаг назад, показываясь во всей красе. Серебряная Мать подсветила его причудливое одеяние, украшенное перьями неведомых птиц и мелкими самоцветными камнями.

Я затеял эту проверку скорее по привычке. Никто не посмел бы вторгнуться в самое сердце Смарагделевых владений и прикинуться хозяином. Я потянул за тонкий ремешок на своей шее и вытащил из-под рубахи грубый камешек, густо-алый, как свежая людская кровь. Поднёс к глазам и посмотрел на лесового сквозь мутноватое каменное тельце. Верно всё. Никто не пытается меня обмануть. Я кивнул и спрятал оберег.

– Недоверчив, как олений вожак.

– И потому до сих пор живой.

Смарагдель неторопливым жестом пригласил меня к пню-столу, на котором шустрые лесавки расставили нечистецкие

яства, мало чем похожие на человеческие. Расставили и отбежали, спрятались за деревьями, а сами тайком поглядывали на меня и хихикали, озорницы. Лешачата были посмелее, не таясь, глазели на нас с Рудо. Хотя и видели нас не единожды, всё равно любили на живого человека подивиться. Я улыбнулся им и указал рукой на стол: угощайтесь, мол, дети хозяйские.

Лесавки и лешачата появлялись в лесах по-разному и различались между собой и внешностью, и способностями. Были среди них родные дети лесового и лешачих – такие тоже могли менять обличия, только в точности притвориться человеком не сумели бы. Придёт время, и отец отправит их верховодить маленькими чащами и перелесками. А были и призванные – заколдованные юноши и девушки, над чьими изголовьями в своё время зажёгся огонёк. Такие, каким будет братец Летавин. Они-то почти ни на что не годились, так, лишь для мелких поручений да заблудших путников пугать.

У лесового могли родиться дети и от союза с человеческой девушкой, да только полукровки не приживались в лесу, их выменивали на живых человеческих младенцев, а младенцев заколдовывали в лешачат – сколько убыло, столько и прибыло. Меня всегда удивляло, что заколдованный человек может жить в лесу, а сын лесового и человека – нет. Говорят, подменыши в человеческих домах недотягивали до зрелости, так и истлевали, истосковавшись своим полулесным-полулюдским сердцем до смерти, не поняв, чего им больше хо-

чется: в лесу плясать или среди людей жить.

Кто из лешачат посмелей, те ринулись к столу и нали-ли себе по кружке браги. Некоторых я помнил, кого-то ви-дел впервые. Мне нравились эти чудные юнцы, дикие, как неприкормленные птицы, востроглазые, длиннорукие. Кто хвостат, кто рогат — а каждый по-своему хорош особен-ной, нечистецкой красотой, понять которую могут, наверное, лишь те, кто много лет смотрит на нечистецей без их люд-ских личин.

Я видел, что Смарагдель изучает глазами спящего Огарь-ка. Изучает, а ничего не говорит — ждёт, когда я пригублю браги и отведаю пирога с орехами. Красавица-лесавка под-несла мне кружку, я бережно принял угощение из зелёных девичьих рук и благодарно улыбнулся. Наготу лесной жи-тельница скрывали только длинные незаплетённые волосы и ожерелье из шишек. Мне потребовалось всё моё самооб-ладание, чтобы не заглядеться на Смарагделеву дочку, хотя я знал, что он не будет против, если захочу уединиться с ней или с любой другой.

От кружки ядрёно пахло мхом и сырой листвой. Хорошая брага, крепкая, а другую Смарагдель и не поднесёт. Я пом-нил, как в первый раз отведал лесного напитка. Мне было тринадцать: Смарагдель впервые привёл меня сюда, в свою чашу, и устроил то ли приём, то ли проверку для юного со-колка. Я тогда захмелел до золотых огней в глазах, скинул всю одежду и плясал под луной с лесавками до тех пор, пока

не повалился без ног и не заснул крепким пьяным сном.

– Вот теперь можем вести беседу, – одобрил Смарагдель, когда я глотнул из кружки.

Прямо под лесовым из земли взвились толстые стебли ивняка, сплелись широким креслом, похожим на княжий престол, и Смарагдель величаво опустился в переплетение ветвей. Истинно лесной князь.

Подо мной выросло кресло попроще, глубокое и удобное, а Рудо уселся справа и положил мохнатую голову на стол, раздувая ноздри. Принюхивался, нет ли чего для него. Я потрепал пса по лбу и тяжело вздохнул, раздумывая, с чего бы начать. Но Смарагдель избавил меня от выбора.

– Что за юнца ты привёл, Кречет-Лерис?

Он повернулся к Огарьку. Конечно, я поступил дерзко. Не следовало без позволения тащить мальчишку в чашу, но я был уверен, что со Смарагделем мы точно договоримся.

– Возьми его себе.

Смарагдель совсем по-человечески приподнял тёмную бровь.

– На что он мне?

– Лешачонком сделай. Не приживается он у людей. Уже нарвался на беду, еле спас. Второй раз не спасётся, загубят мальчонку.

– И что нам с того? Он тебе родня?

Я помотал головой и поставил кружку на стол. Лесная брага мгновенно кружила голову, но я был привычен к ней. Се-

годня точно не стану танцевать, даже если лесавки пригласят. Один из лешачат – с нежными оленьими рожками на вихрастой голове – подвинул ко мне миску грибов и подал мясистый кусок хлеба. Я принял угощение и выбрал из миски несколько засоленных синих лисьедухов – их сила пригодится в пути.

– Обменяй. Огонёк зажётся над одним, а я привёл тебе другого. Какая разница, кого из мальчиков забирать?

Смарагдель задумчиво постучал когтистыми пальцами по столу. Я видел сизый мох, покрывающий руку выше запястья, там, где у людей обычно растут волосы. Я бы не удивился, если б он решил прямо сейчас сменить облик и предстать передо мной замшелым горбатым чудовищем с ветвистой короной рогов. Но он держался, зная, что мне приятнее общаться с кем-то похожим на человека. Я это ценил.

– Старый Дорожник не простит мне такой вольности. Не расплачусь. Тут не отдашь долг беличьей или птичьей стаей. А на большие траты я не пойду ради незнакомого юнца.

– А ради меня?

Не знаю, почему я так заупрямился. Летава ли так в душу запала?

– Ради тебя, может, и пошёл бы. Но какая тебе от того выгода? Снова ты что-то затеваешь, сокол.

Это странно, но мне было приятно оттого, что Смарагдель журил меня, почти как старший брат младшего. Или как отец сына.

– Девке думаю угодить, – признался я.

По лицу Смарагделя медленно расползлась хищная улыбка.

– Бери любую из моих, Кречет. Девки – дело хорошее, но ни из-за одной из них я не стану перечить Дорожнику. Уж извини.

Смарагдель пренебрежительно называл Господина Дорог старым Дорожником. Я виделся с властителем всех путей всего однажды, но та встреча произвела на меня сильное впечатление. До сих пор мне было трудно понять, отчего маленький тщедушный человечек имел власть даже над могучими нечистецами.

– Понимаю тебя. Прости за дерзость.

А сам спрашивал себя: «И что с ним теперь делать?»

Лешачата и лесавки шептались, зыркали на Огарька. А малец, как я понял, уже не спал, а только притворялся. Боялся ли? Непросто, должно быть, очутиться хромым и беспомощным среди чащи, в окружении нечистецей. Видел ли он их раньше? Или ему всё впервой? Потом спрошу.

– Этот юнец тебе предназначен. Дорожник приберёт его для тебя, – проскрипел Смарагдель.

– Как же для меня? – Я возмутился. – Куда я его возьму? На Рудо так и буду возить? Да он увечным стал из-за меня!

Не хотел говорить последнего, не хотел признавать, что меня гложет вина, но слова сами собой вырвались, искренние и горькие. Лешачата разом смолкли, наострили уши.

– Как это – из-за тебя? – спросил Смарагдель ровно, без тени удивления, лишь с лёгким любопытством.

– Не успел я, медлил. Если бы поспешил, ему бы не рубанули по ноге.

Я опустил голову, как мальчишка, признающийся старшим в чём-то постыдном. Красивая лесавка подлила браги в кружку, и я тут же опрокинул в себя хмельной напиток.

– Если бы ты опоздал, меня бы сожгли заживо, как поросёнка зажарили, – вдруг подал голос Огарёк.

Я шумно выдохнул через нос. Не хватало ещё, чтобы он подумал, будто я теперь обязан нянчиться с ним, будто совесть моя за него болит. Обернулся на мальчика и рыкнул зло:

– Молчи, иначе брошу тут и никого не послушаю.

Получилось, наверное, грозно. Огарёк опустил голову на мох и затих. Смарагдель почёсывал подбородок когтями, что-то замышляя. Ох, не нравилось мне, когда лесовой так замолкал! Жди чего угодно, только не покоя.

– Я исцелю его. Будет хромать, но пойдёт сам. Всё быстрее, чем людскими снадобьями лечить.

– Много чести, – фыркнул я.

Но Смарагдель уже поднялся со своего веточного трона, пересёк опушку и опустился рядом с Огарьком. Огарёк весь сжался, как запуганный щенок, я чувствовал его страх. Сбежал бы, наверное, если б мог. Смарагдель медленно протянул к нему когтистые руки, похожие на лапы какого-то неведомого зверя, и сомкнул пальцы выше щиколотки. Огарёк

задёргался и бросил на меня умоляющий взгляд. Я отвернулся.

Я и так знал, что будет делать Смарагдель. Зажмёт ногу пальцами-когтями крепко-крепко, дохнёт словами-наговорами, отопьёт из чарки с ручьевой водой, поднесённой лешачонком, и станет вода душистой, словно лесная кровь. Начертит Огарьку на лбу и груди треугольники, даст ему выпить из чарки, и тот заснёт крепко, спокойно, и будет его сон почти таким же тягучим, как смерть.

Всё так. Я будто бы спиной ощущал каждое движение лесового, а каждый всхлип мальчика душу рвал, как совиный коготь. Ничего. Заснёт, а проснётся уже другим. Хромым, но здоровым. И если Смарагдель того пожелает, позабудет всё, что видел и слышал в чаще.

– Пусть спит, сколько спится, – произнёс Смарагдель и вернулся в кресло. Лешачата шушукались, глаза на вновь заснувшего Огарька, потихоньку обсуждали его сходство с ними самими. Смарагдель махнул рукой за спину, и лешачата с лесавками вдруг повскакивали со своих мест и шустро разбежались, скрылись за стволами так ловко, будто впитались в них. А может, и правда слились с деревьями, чтобы продолжать тихонько подслушивать. Листья немного пошелестели, а потом всё стихло. Рудо подошёл к Огарьку и лёг рядом, согревая его мохнатым боком.

– Спасибо, – поблагодарил я Смарагделя. Лесовой по-доброму улыбнулся мне, но изумрудный взгляд горел даже ярче,

чем несколько минут назад.

– Рассказывай теперь, что тебя на самом деле гложет. Вижу, не только мальчишка занимает твои мысли.

Разгадал меня. Как всегда. Но скрывать от друга мне нечего, да и сам ведь хотел совета просить.

– Мальчишка, да не этот. Княжич хвор, а Страстогор послал меня за знахарем. За тем, кто волхв над всеми волхвами. Не видал ли ты его?

Смарагдель стрельнул горящими изумрудами в сторону, припоминая что-то, а потом, к моей досаде, медленно качнул головой.

– Давно не видал. Прикажу Олышайке порыскать всюду, у всех волхвов побывать, если велишь.

Олышайка – любимый Смарагделев сын, шустрый лешачонок, тот самый, что с оленьими рожками. Смарагдель даже имя ему дал в честь ольхи, священного дерева лесовых. Не любил бы, назвал бы Рябинкой. Давно надо было выделить ему свою вотчину, да только не спешил лесовой с сыном расставаться.

– Олышайка бы помог мне, – честно признался я. – Мы с Рудо во многих селениях побывали, говорили с волхвами у лесных окраин, но никто из них не встречал главного знахаря. Побыстрее управиться бы, Видогосту скорее помочь, не то, боюсь, поздно будет.

Смарагдель кивнул серьёзно, даже церемонно.

– Значит, пошлю, решено. Что ещё? Вижу, не всё расска-

зал, сокол.

– Напали на нас, – хмуро ответил я. – Твари неведомые, недалеко от Топоричка. Быстрые, как нечистецы, но точно не твои, они бы нас не тронули. Одеты в серое рубище, лица спрятаны, хотели чего-то от нас, а чего – я так и не понял. Не ранили, конечно, мы оказались им не по зубам. Зато я всех уложил. А мертвяков не осталось. Как так вышло? Кто они? Как князю доложить?

Смарагдель сделался мрачным и злым, веточки-рога покрылись толстой корой, лицо вытянулось, меняясь из человеческого в звериное, но он быстро взял себя в руки и снова принял обличье молодого мужчины. Разъярила его моя весть, это точно.

– Проклятые твари. – Смарагдель засвистел лютым ветром, и снова меня осыпало хвоей. – Кто-то зовёт их безлики-ми. Были людьми, но их настигла хворь, как та, что несколько зим назад сводила с ума, уродовала и убивала ваш народ. Только в этот раз с некоторыми случается и такое. Ещё сквернее смерти, как я посужу. Если бы не нарвались на тебя, погубили бы целый Топоричек. А выследить их даже я не могу – они не нечистецы и не люди больше, вот именно что безликие, без духа, без имени, одна лишь ненависть в них.

В голосе Смарагделя звенело негодование. Не повезёт тем, кто вызовет злость лесового, и даже мне становилось не по себе, когда он гневался.

– Благодарю за приём и за помощь, Смарагдель, князь лес-

ной. – Я заговорил учтиво, осторожно даже, чтоб не злить его боле. – К тебе зайдёшь на час – выйдешь хмельной и сытый через семиднев, но я спешу. Надо рассказать князю о безликих, как ты их зовёшь. Заодно и поведаю, что нет нигде волхва.

– Возьми мою чарку, – предложил Смарагдель. – А в свой мех вместо обычной воды налей лесную да дай мне отпить. Вернее было бы примчать княжича прямо сюда, я бы исцелил. Если с ним, конечно, не та хворь, о которой во всех сёлах твердят. От неё моя ворожба не поможет.

Я посмотрел ему прямо в глаза, и на моём лице, должно быть, отразилась вся горечь, что была на сердце. Смарагдель сразу понял и протянул когтистую ладонь к моей руке. Такой человеческий жест – и от Великолесского лесового, не от человека вовсе, от одного из нечистецких князей.

– Возьму, – вымолвил я. – Спасибо. Хоть что-то попробую. Знаю, что не поможет, но как быть, если иного не дано?

– А князь тебя не погонит, когда без волхва вернёшься?

– Не денется никуда. Позлится, может, и всё. Хочу с Видогостом повидаться, пока не случилось совсем худого. На половину денька всего, потом вновь помчимся искать. Заодно этого, – я кивнул на спящего Огарька, – оставлю в Горвене. В городе должен прижиться, не таскать же его повсюду с собой.

Смарагдель не зря спросил именно так, я понял. «Без знахаря вернёшься». Он думал, стану ли я просить его обма-

нута князя Страстогора, предложу ли принять облик волхва и войти в терем под его именем. Не стану, конечно. Нет смысла, князя-то обманешь, а княжичу таким не поможешь. Да и не место лесовому в городе, среди людей. Я не мог представить гордого лесного хозяина в вычурном тереме, в светлице большого Видогоста. Смарагдель бы согласился помочь, если б я попросил, но наверняка затребовал бы что-то взамен. Нечистецы не люди, и при всей нашей крепкой дружбе меня не миновала бы расплата. Так уж заведено.

Смарагдель медленно встал, подошёл ко мне и требовательно протянул руку. Я отстегнул мех от пояса и отдал лесовому. Он рассеялся ветром, исчез вместе с моим мехом – сам отправился за водой, не лешачонка послал, мне это польстило. В чаще зазвенела тишина, только Рудо сопел, развалившись, как медведь. Я поднялся, прошёл по мягкому мху и присел рядом с Огарьком.

Увечная нога выглядела несравненно лучше. Никакой раны уже не было – выросла новая кожа, светлая, будто с момента отсечения прошёл целый год. Лесовые – мастера чудесных исцелений, но помогают далеко не всем. Да и не любая болезнь лечится их ворожбой, от Мори всё же лесовой не вылечит.

Я умом понимал, что водица Смарагделя не поможет Видогосту, знал, что княжич болен тем самым страшным, о чём в тереме даже боялись говорить вслух. Но что разум и что – сердце? Сердце соколье всё равно человеческое, глупое, веря-

щее всегда в самое зыбкое. Вдруг не Морь? Вдруг справится? Вдруг поможет? Тогда и волхв не потребуется.

Огарёк охнул во сне и поджал под себя обе ноги. Повезло мальцу, нечего сказать. Немногие из людей могут похвастаться тем, что гостили у Великолесского лесового и получили его исцеление. Теперь и он, получается, будет вхож в лес – лешачата его запомнили, да и в крови теперь лесная водица плещется.

Смарагдель вернулся споро, я почувствовал его спиной, по дуновению ветра и густому мшисто-земляному духу. Я встал на ноги и взял мой мех, отяжелевший от заколдованной воды.

– Спасибо, друг.

Лесовой плавно махнул рукой – не стоит, мол, протянул ещё и чарку из цельного дубового куска и кивнул на Огарька.

– Твой он, помни. Дорожник не зря тебя к нему вывел. Не бросай.

– Надеюсь, малец спит крепко и не слышит тебя. Иначе не отвяжусь, – отшутился я. Чарку и мех нацепил на пояс.

Но Смарагдель был серьёзен.

– Не надо смеяться, Лерис. Не спорь с Дорожником, всё равно будет так, как он задумал.

– Ладно, не спорю. Но поступлю так, как сам рассужу, а если Господин Дорог будет против, всё равно повернёт по-своему. Спасибо тебе, выручил меня, как всегда. За мной долг.

Смарагдель потёр подбородок, и под его пальцами тут же вырос сизый лишайник вместо обычной человеческой бороды.

– Раз долг, то забеги к Перливе в Средимирное. Уболтай моих белок вернуть.

Я хохотнул.

– Снова проигрался? Смарагдель, ну как же так? Ты же обещал больше не ставить беличьи стада. Да лучше вовсе бросить игру в зернь, раз тебе так не везёт.

Смарагдель недовольно скривился и сухо обронил:

– Так уж вышло.

Я сочувствующе похлопал его по плечу. Мой друг вечно проигрывал другим Великолесским лесовым целые стаи своих зверей. Что ж, придётся постараться, но бывало и посложнее.

– Что-нибудь придумаю. Верну твоих белок.

– До зимы хорошо бы, а то Перлива заснёт.

– Помню, помню.

Мы пожали руки, обнялись на прощание, и Смарагдель скрылся в чаще, приняв облик огромного горбатого существа, похожего сразу на дикого быка и на обросший травой холм. Ветки за ним сомкнулись бесшумно и плотно, словно он был вовсе бестелесным, как ветер. Я немного посмотрел ему вслед, чувствуя, как обычно, непонятную щемящую тоску на сердце, потом встряхнулся и шепнул Рудо в мохнатое ухо:

– Вставай, братец, пора снова в путь.

Глава 6

Скоморошьи забавы

Берега ручья терялись среди длинной лесной травы, похожей на зелёные девичьи волосы, узкая ленточка воды дрожала свечными бликами и серебряными лунными всполохами. Ноги Нима постоянно норовили соскользнуть в топь, а Велемир, напротив, ни разу не оступился, хоть и шёл совсем близко к берегу.

С каждым шагом Нима сильнее колотило, и дело было не только в липком промозглом тумане, оседающем на коже, и не в душистом лесном ветре, обдувающим холодом со всех сторон.

Ним лишь единожды видел безжизненное человеческое тело, и это было очень, очень давно. На корабле тоже погибли люди – ушли на морское дно, во владения морского царя, но Ним не видел их смерти, их мёртвых тел, не видел, как Владычица Яви перерезала нити чужих жизней.

В этот раз всё было иначе. Он закрывал глаза и в кромешной тьме представлял страшное, изуродованное лицо и чёрные лужи под возницей и лошадьми. С каждым ударом сердца эти образы глубже впечатывались в его сознание, мучили с кошмарной беспощадностью. И страшно было то, что спутники Нима казались собранными и хладнокровными, буд-

то ничего ужасного и не произошло. А может, это видимое хладнокровие давалось им дорогой ценой.

В ручье иногда что-то плескалось и вздыхало, будто играла большая рыба, но на такой мели, ясное дело, крупной рыбы просто не могло водиться. Ним не разрешал себе отвлекаться: и так хватало, о чём тревожиться, не стоило ещё и о ручье думать и пугаться собственных выдумок.

Свеча в руке горела неровно, пламя дрожало на ветру, воск стекал мутными горячими оплывами по пальцам и капал на траву. Огонёк Велемира маячил впереди призывным красноватым глазком, Ним старался не сводить с него взгляда и гнал, гнал прочь мысли о мёртвом вознице.

– Скоро выйдем, – со знанием дела произнёс Энгле. – Земляника под ногами растёт, а в глухой чаще её нет, темно слишком. Скоро лесу конец, а там и селение какое найдём. Заночуем под крышей.

Ним кивнул. Ему хотелось верить, что Энгле прав.



Ручей и правда вывел их к селению. Лес плавно перетёк в поле, седое от тумана и сумрака, а впереди мигали огоньки окошек – деревня или даже маленький городок, издалека Ним не видел, есть ли там святилище Золотого Отца. Путники скользили по туманному полю быстро и бесшумно, не

стговариваясь втянув головы в плечи и пригнувшись. Энгле что-то бормотал о полевиках и полудницах, но Велемир молча приподнял свою свечу выше, напоминая об этой неочевидной защите, смысла которой Ним никак не мог разгадать, а сам свечник не пожелал раскрыть.

Деревенька оказалась именно такой, какие представлялись, стоило Ниму подумать о Княжествах. Приземистые, потемневшие от времени бревенчатые дома походили на переросшие, подгнившие грибы. Двускатные крыши кое-где покрылись мхом, щербатые печные трубы местами обуглились. Подслеповатые пыльные окошки обнимали широкие резные наличники, где-то простые, а некоторые были украшены так причудливо, что Ним даже позабыл о своей лихорадке и неистово пожалел, что ему нечем и не на чем сделать зарисовку – даже в полумраке узоры впечатляли.

С каждым шагом холод глубже забирался под кожу, и сложно было поверить, что днём докучало жаркое солнце. Ним дрожал, сильнее наваливаясь на Энгле, в голове всё мешалось: мигающие огни четырёх свечей, маленькие оконца в широких рамах наличников, потемневшие стены, частоколы заборов, ворчащие на незнакомцев псы, бледные вихри тумана, запах дыма, тянущийся со дворов...

Велемир уверенно свернул на широкую деревенскую дорогу, и Ним услышал громкие человеческие голоса, выкрики, смех и невнятный шум. Наконец стылые вечерние запахи разбавил тёплый хлебный дух.

– Кабак, наверное, – обрадовался Энгле. – Ещё немного, и отдохну от тебя, тяжеленного.

Ним хотел гордо ответить, что не просил никого помогать, но не сумел.

Велемир вывел их к центру деревни. Вокруг небольшой площади стояли мыльня, что-то вроде приказной избы и шумящий на всю деревню кабак. Ним почувствовал облегчение, предвкушая скорый отдых, но об ужине и не мечтал. Ясно, что никто не станет кормить его – оборванца без единой монеты в карманах.

На крыльце Велемир остановился и обернулся на своих попутчиков. Он молча загасил пальцами огонёк своей свечи, а потом и огни остальных. Запахло дымом. Лишь убедившись, что все четыре фитиля погасли, Велемир потянул дверь на себя.

В кабаке было жарко натоплено, воздух словно уплотнился от густых запахов, и горло Нима сперва перехватило. Энгле потащил его к свободному столу, молчаливый рыжий парнишка беззвучно скользнул за ними, а Велемир вынул из мешка целую охапку свечей и пошёл предлагать свой товар подвыпившим посетителям.

Ним растёкся по стулу, привалившись плечом к стене, и закрыл глаза. Кругом шумело, гроыхало, хохотало, взвизгивало. Со скрипом двигались стулья и лавки, гремела посуда, хлопали ладони. В противоположном углу кто-то уныло дёргал струны какого-то музыкального инструмента, пьяный

голос то брался подвывать, то замолкал, осипнув. Ним никогда не бывал раньше в подобных местах – отец запрещал ему, оберегая. В любой другой ситуации он бы испугался, но сейчас запрещал себе думать о чём-то, кроме блаженного тепла и долгожданного отдыха.

– Не малы ещё пить? – пророкотал чей-то голос прямо над головой.

Ним вяло приоткрыл глаза. Над ними стоял толстый бородатый мужчина с пузом, похожим на надутый пузырь. Его рубашку украшала вышивка с оленями и ветками лесных ягод – точь-в-точь такая, какую Ним видел в книге о нравах жителей Княжеств.

– Нам бы кров и ужин горячий, – ответил Энгле. – Деньги будут, – добавил он, высмотрев в толпе Велемира, довольно успешно торговавшего своими чудесными свечами.

Мужик проследил за его взглядом и сдвинул кустистые с проседью брови.

– С вами свечник этот? Третью его выручки моя, не считая оплаты. Комната одна на четверых. На ужин каша с грибами. Энгле вздохнул.

– Ну, хуже тоже бывало. Да, Нимус? По одежке вижу, бывало. – Энгле навалился на дощатый стол, приближаясь к Ниму. – Покажешь рисунки на руках?

Ним непонимающе мотнул головой. Все его мысли сделались неповоротливыми и ленивыми, хотелось наесться и повалиться спать до утра, а не отвечать на странные вопросы

почти незнакомого паренька.

– Что, нету? – разочарованно сник Энгле. – Так ты не сокол, что ли?

Ним хрипло хохотнул и закашлялся. Сокол? Энгле насмехается над ним?

– Нет. Не сокол.

– А камешек соколий вон на шее висит.

Ним сперва не понял, что за камешек имеет в виду Энгле, но потом вспомнил про подарок деревенской девушки.

– Ты жалеешь теперь, что помогал? – спросил он.

Энгле опустил плечи и взъерошил льняные волосы. Обкромсанный мальчишка волчонком сидел в углу и даже не слушал их разговор, уткнулся лицом в сгиб локтя и замер, будто заснул.

– А вот и не жалею.

Скоро вернулся Велемир, чуть менее хмурый, чем прежде. Его мешок изрядно полегчал, зато в ладони поблёскивали монеты. Ним понятия не имел, на что местным сдались его свечи: своих свечников в деревне, что ли, нет? Ещё и, видимо, не задёшево. Но есть ли разница, как добыты деньги, если желудок пуст, а голова давно не касалась подушки?

Каша с грибами оказалась вовсе не так плоха, как думал Ним, а обжигающий сбитень – и вовсе великолепным. Грудь налилась теплом, расслабленные мышцы приятно покалывало, и Ним подумал, что ему не хватает лишь горячей ван-

ны да новой одежды, чтобы снова почувствовать себя почти счастливым.

Почти – потому что страх и беспокойство ни на миг не отпускали его. Перед глазами то и дело всплывал убитый возница, а в висках постоянно стучала тревога: как они пойдут дальше? Куда? Да и обстановка не давала почувствовать себя непринуждённо. Чем дольше Ним сидел в душном, смердящем кабаке, тем сильнее проникался отвращением и страхом. Ему хотелось поскорее уйти отсюда, но кабак вроде бы давал хоть какое-то ощущение безопасности.

Через два стола сидела компания из нескольких мужиков, перед каждым из них стояла большая кружка с пенным. Один из мужиков был одет лишь в исподнее, другой – совсем наг, оба захмелели настолько, что чудом не валились на пол. Перед каждым лежали Велемировы свечи. Даже пьяницы не пожалели на них денег. Ним повернулся к Энгле. Почему-то он побоялся спросить напрямую у свечника, который, чуть отодвинувшись на стуле, допивал свой сбитень. Ним потрогал свой камень – если правда соколий, то, может, удастся расплатиться с Велемиром.

– Что это за свечи? – шепнул он, наклонившись к Энгле.

Энгле с подозрением посмотрел на Нима, будто считал его недалёким.

– Свечи, – с нажимом ответил он. – Велемир – свечник.

– И что?

– Водяной.

Ним непонимающе помотал головой.

– Ты нездешний? – догадался Энгле и жадно впился глазами в Нима, будто обнаружил что-то, чего раньше не замечал.

– Из Царства.

Велемир стрельнул по Ниму прищуренным взглядом и вдруг произнёс, не дав Энгле первым задать вопрос:

– Не говори об этом всем встречным. Целее будешь.

Ним не стал спорить. Он давно понял, что по пути в Солоград придётся выучить уйму условностей и запретов, чтобы научиться жизни в Княжествах.

– А как там, в Царстве? – не унимался Энгле. Велемир недовольно поджал губы: опасался, что такой разговор привлечёт ненужное внимание, но посетителям кабака, казалось, не было никакого дела до четверых парней.

– Хорошо, – вяло улыбнулся Ним. – Тепло, чисто и красиво. Из города в город можно добраться за полдня пути. Люди улыбочивые и приветливые, на торгах можно купить всех дивных яств, о каких мечтаешь.

– У нас тоже красиво, – возмутился Энгле. – И люди хорошие, когда им жить хорошо. Вон, на торг тоже сходи. Не хуже, небось, чем у вас.

– От хорошей жизни люди жиреют и глупыми становятся, – злобно процедил Велемир. – Я жизнь тебе спас, а в вашем Царстве кто бы помог такому оборванцу? У вас все на платье смотрят да на пояса расшитые.

– В Царстве бы со мной такого не случилось, – возразил Ним. – Да и ты тоже смотришь на мою одежду, раз заметил, что я оборванец. Скажи лучше, что за чудесные свечи у тебя? Раз даже пьянчуги не пожалели на них последних монет.

Велемир расправил плечи, загордился.

– Мои свечи рассказывают нечистецам, что водяной мне покровительствует. Оттого и не тронут тех, кто эти свечи зажигает. Потому и на нас не напали, а вот возницу сгубили.

Ним подумал, что, возможно, помог ещё и соколий камень – девушка ведь сказала, что лес не тронет. Но спорить со свечником не стал.

– Почему водяной покровительствует свечнику? Как вы можете быть связаны?

Ним ощущал себя будто в причудливом сне. В Царстве он и представить не мог, что будет говорить с кем-то о нечистецках так же свободно, как о живых людях. Дивное диво! И до чего же странно.

– Водяной крутит мельницы, – пояснил Велемир. – Мой отец мелет муку. Водяные и пасечникам помогают, следят, чтобы дождь пчёл не мочил, а за помощь берут дань сладкими сотами. Если уж дружен с водяным, если выпросил у него позволения поставить мельницу на его ручье, то отчего же пасеку не завести? Наш водяной целует свечи, которые отец опускает одним концом в ручей, и остальные нечистецы знают: не трожь того, кто такую свечу зажжёт, иначе не избежать разборок с верховным.

– С тем, что в Русальем озере, – добавил Энгле. Велемир согласно кивнул.

Разговор о водяных смягчил свечника, он перестал хмуриться и даже слегка зарумянился. Ним почти перестал его опасаться.

– Скоморохи! – воскликнул кто-то. – Скоморохи приехали!

Все, кто был в состоянии что-то слышать и понимать, обратились в слух. Снаружи доносилось нестройное бречанье музыкальных инструментов. Ним устало повёл плечами. Такую безыскусную игру в Царстве не услышишь, а если кто и осмелится играть на улице, толком не научившись, ни за что не осмелится просить за своё выступление денег. Однако никто, кажется, не разделял его мнения.

Посетители кабака – те, кого ещё держали ноги, – потянулись к окнам и выходу, пьяные лица светились искренним любопытством и предвкушением дивного зрелища. С удивлением Ним заметил, что Энгле тоже тянет шею, прислушиваясь к музыке, и даже хмурый Велемир насторожился.

– Скорей идите, не то всё пропустите, – бросил на ходу хозяин кабака, торопясь к выходу. Объёмистое брюхо колыхалось перед ним, как набитый соломой мешок.

– Пойдём, посмотрим, – выпалил Энгле, умоляюще глядя на товарищей. – Сто зим скоморохов не видал! Когда ещё доведётся?

Велемир сухо кивнул.

– Пойдём. Свечи берите с собой.

Ним хотел запротестовать, уйти отдыхать в снятую комнату, но перед глазами снова всплыло освежёванное лицо возницы, и вновь вспыхнувший страх не позволил ему остаться одному. Ним с неохотой встал, морщась от боли в ногах и рёбрах, сгрёб свою свечу пятернёй и поплёлся вслед за Энгле и Велемиром. Обкромсанный мальчишка тоже, как ни странно, потащился к выходу, всё так же молчаливо и не поднимая головы.

На площади перед кабаком собралась, наверное, целая деревня. Мужчины, женщины, старики, дети – все в грубоватой, простой одежде, кое-где украшенной вышивкой, некоторые – в странной плетёной обуви, какой Ним никогда не видел в Царстве, иные и вовсе босиком. На обветренных, простодушных лицах читался чистый наивный восторг.

Неряшливая музыка превращала вечер в разнузданный балаган, взбивала тишину, как молоко взбивают в масло еловой мутовкой, и Ним сам стал изо всех сил тянуть шею, будто больше всего на свете желал увидеть ряженных.

Никакой сцены не было – место будущего выступления отгородили по сторонам бочками, слева и справа на высоких шестах покачивались фонари. Скоморохов оказалось пятеро: двое плясали, двое играли на дудке и гусях, а один просто стоял посреди отгороженной бочками площадки и молча смотрел себе под ноги. Лица всех пятерых закрывали грубые деревянные маски с нарисованными оскаленными улыбка-

ми, а некогда пёстрая одежда изрядно обтрепалась – скоморошья братия явно знавала лучшие времена.

Ним видел представления в Царстве – шуты выступали в специальном округлом сооружении с высоким купольным потолком, артисты носили роскошные костюмы, расшитые мелким стеклярусом, переливающимся ярче огней, когда на них падал свет, а зал украшали гирлянды из цветных флажков и длинные пёстрые ленты. Унылые ободранные скоморохи, которым так радовались жители деревни, ходили на шутов из воспоминаний Нима так же, как уличный воробей ходит на павлина при дворе знатного вельможи.

Ним полагал, что ничего достойного его внимания не произойдёт, но ошибся.

Поначалу всё шло предсказуемо. Скоморохи играли свою музыку, и мелодия бесконечно повторялась, шла неровными кругами, вгрызаясь в мысли, двое танцоров плясали, но как-то ломано, словно их тела были такими же деревянными, как маски на лицах. Отчего-то Ним чувствовал себя неуютно: в повторяющейся музыке, в скованных плясках и необъяснимом бездвижии пятого скомороха было что-то чуждое, непонятное, вселяющее тревогу. Зато не избалованные зрелищами деревенские радостно хлопали в ладоши и смеялись, дети и вовсе взвизгивали от восторга. Энгле стоял бок о бок с Нимом и тоже не сводил глаз со скоморохов.

– А к нам в деревню пару раз заезжала ватага с ручным медведем и маленьким кукольным театром. Те в гильдию,

наверно, входили, а эти – нет. Потому даже огнедуг с гаерами⁴ не наняли. Нищие скоморохи, ну ты видал?

С каждой минутой выступления Ним чувствовал себя всё неудобнее. Ему совсем не нравились эти шуты. Совсем.

Представление затягивалось, никак не обретая развития. Одни и те же движения, одни и те же ноты – по кругу, ни громче, ни тише, ни скорее, ни медленнее. Деревенские женщины радостно хлопали в ладоши, отбивая такт, мужчины начинали скучающе мяться, не дождавшись интересного зрелища, зато дети, отцепившись от матерей, дерзко шныряли прямо перед бочками и тянули ручонки к полусонным скоморохам.

Ним не сразу понял, что произошло. Хмельной парень, решивший перебраться через бочки на скоморошью сцену, вдруг захлебнулся криком, упал на землю и задёргался. Над ним склонился один из танцоров, припав к лицу парня прорезью маски. Он подскочил к тому с такой стремительностью, в какой его ни за что нельзя было заподозрить, глядя на вялый танец.

Завизжали женщины, заметались мужчины. Скоморошья музыка оборвалась, шуты с неожиданным проворством бросились в толпу, вцепляясь руками в шеи и лица зевак. Раздались вопли, брызнувшая кровь выглядела почти чёрной в тусклом свете фонарей. Какой-то крепкий мужчина кинул-

⁴ Гаер – здесь: скоморох, исполняющий трюки на высоте, используя шесты и жерди.

ся на скоморохов, но его тут же опрокинули навзничь, и он больше не поднялся. Один из шестов с фонарём упал, пролитое масло вспыхнуло, пустые бочки запылали высокими кострами. Ним рванул в сторону, но наскочил на чью-то спину, его с силой толкнули, и он точно не устоял бы на ногах, если бы Энгле не схватил его за плечо.

– Свечи, – произнёс прямо над ухом голос Велемира. Он мимолётно щипнул фитиль Нима, и на конце свечи заплясал огонёк. – Идём. Скорее.

Свечник быстро и не таясь зашагал обратно к кабаку, лишь раз оглянувшись на своих товарищей.

Ужас кусал Нима за пятки, подгоняя. Он едва сдерживался, чтобы не броситься вперёд Велемира. От страшных, нечеловеческих криков, раздававшихся за спиной, перехватывало горло и перед глазами всё вспыхивало кровавым огнём. Ним боялся, что, если он оглянется, скоморохи точно бросятся на него, разорвут горло и выпьют горячую кровь. Сперва такая спокойная деревенька обратилась кипящим котлом, в котором бурлило варево из страха и ярости.

– Сюда, – скомандовал Велемир и нырнул в темноту за кабаком.

– Нас выдадут свечи, – зашипел Энгле. – Надо погасить.

– Нельзя.

За кабаком было гораздо тише, чем на площади, словно могучее тело здания поглощало звуки, защищало всех, кто попросит у него помощи. Обкромсанный парнишка всхли-

пывал, тряс головой и зажимал ладонями уши, осев на землю у бочек с водой, стоявших во дворе. Невысокая серая лошадка, привязанная к ограде, мирно пощипывала траву и дёргала ушами, недовольная шумом.

Велемир навалился на одну из бочек и стал раскачивать её из стороны в сторону. Энгле, не дожидаясь просьбы, пришёл на помощь, и вдвоём они опрокинули три бочки одну за другой. По земле потекли ручьи, отражающие кровавые блики свечей. «Снова волшба», – обессиленно подумал Ним. Он слишком устал и слишком перепугался, чтобы думать о том, что сейчас произойдёт.

– Твой водяной такой сильный? – с сомнением шепнул Энгле.

Велемир снова сделался сосредоточен и молчалив, и вместо ответа просто пошёл вдоль водяных потёков.

– Отвадит, – коротко бросил он.

Ним не понимал, как Велемир может оставаться таким спокойным и собранным. На пяточке площади не смолкали крики, деревенские собаки заливались яростным лаем, мелькали тени и блики пожара, и здравый смысл подсказывал Ниму, что надо нестись без оглядки, бросить проклятую свечу и просто спасти свою шкуру, но размеренный шаг Велемира внушал какой-то противоестественный в этой ситуации покой. Свечник знает больше. Значит, надо ему довериться.

Дворами, следуя за змеящимися струйками воды, они вы-

шли на деревенскую дорогу, и тут-то Велемир пустился со всех ног. Энгле, Ним и безмолвный юноша бросились за ним, оставляя позади захлебнувшуюся в крови деревню, а заодно и надежду провести ночь под крышей.

Глава 7

Петушок на палочке

Я тронул Огарька за плечо.

– Вставай, не взял тебя лесной князь. Не нужен ты никому.

Мальчишка заворочался, тонко охнул и медленно открыл жёлтые звериные глаза. Сначала по заспанному лицу пробежало недоумение, но потом, постепенно вспомнив, что с ним произошло, Огарёк нахмурился и сел, рассматривая свою увечную стопу.

– Не болит, – удивился он.

– Ещё бы болело. Не зря возился с тобой, а надо было бы бросить. Вставай, говорю.

Он потрогал затянувшийся рубец и требовательно уставился на меня не мигая.

– Ты кто? Волхв? Знахарь?

– Если бы. Вставай, отвезу в город. А не хочешь – оставайся в лесу, пока медведи не задерут.

Этот довод на него наконец подействовал. Огарёк медленно, будто не веря своим глазам, вытянул ноги и осторожно поднялся, почти не опираясь на левую стопу, словно опасался, что она расколется, как ваза из бесценного цветного стекла.

– Да ступай ты, не бойся. Не отвалится.

– Колдовство, – пробормотал Огарёк, осторожно переноса вес на больную ногу. Он оступился – конечно, ему придётся привыкать ходить по-новому, на это уйдёт время, поначалу тяжело будет. Но я не собирался с ним возиться.

Рудо послушно ждал, когда мне заблагорассудится вскочить ему на спину, хвостом мёл по земле, цепляя сухие листья и сосновые иголки. Было жаль нагружать пса ещё и весом мальчишки, пусть и малым, но делать нечего, придётся другу немного потерпеть. Я обхватил Рудо за шею и перекинул ногу за широкую спину. Рудо сильнее завилял хвостом, предвкушая скачку.

– Забирайся. – Протянул Огарьку руку. Он недоверчиво смотрел на нас с псом – не запомнил в беспамятстве, наверное, что уже катался верхом на монфе.

– Твоя собака без седла, – заметил Огарёк.

– Пёс, – буркнул я.

– А почему он без седла?

– Потому что он не лошадь.

– И что, тебе так удобно?

Никак не унимался, болтливый паршивец.

– Главное, что Рудо удобно, а я привык. А вот тебя тащить ему вряд ли понравится, но он всё равно не возражает. Пока не возражает. А будешь выкобениваться – руку откусит.

Огарёк нехотя, с заметной опаской ухватился за моё предплечье, я ловко затащил его на Рудо и усадил перед собой, снова подивившись, какой он худой и лёгкий. Рудо тут же

пошёл рысью, без труда отыскав в чаще звериную тропку, почти незаметную взгляду. Я даже не говорил ему, куда мы пойдём: он сам каким-то пёсым чутьём понял, куда нужно.

– Лицо береги, – предупредил я Огарька. – Ветки могут глаза выбить. Без ноги худо, без глаз ещё хуже.

Мальчишка послушно втянул голову в плечи, и вовремя: Рудо ломанулся через еловый бор. Колючие ветви тут опускались почти до земли, чёрные и густо-ароматные, в светлых проблесках молодых шишек.

– Откуда сам будешь? – спросил я Огарька. Не всё же ему задавать вопросы, я должен знать, кого везу в Горвень.

– Из Мостков.

Я понимающе хмыкнул. Теперь-то ясно, отчего у него кожа с зеленцой. В Мостках люди странные, диковатые, кто-то даже верит, что столетия назад они брачевались с нечистецами, и от примеси нечистецкой крови цвет кожи у местных может быть и зелёным, и серым, и рыжеватым, и снежно-белым. Но я знал, что нечистецы тут ни при чём – так уж устроены люди Мостков, так связаны с круговоротом Золотого Отца, оттого и младенцы, рождённые в Мостках летом, зелены, как горошины в стручке, а зимние – белы. Весной рождаются дети с серой или голубоватой кожей, осенью – с золотистой, смуглой. Сам я не бывал в Мостках, а только слышал рассказы сокола Дербника. Я смеялся даже, счёл, что он придумал всё, но потом князь подтвердил его слова и добавил ещё, что кончики ушей у жителей Мостков часто

заострённые, кисти рук и стопы – длинные и ловкие, чтобы споро перебираться по узким мостам, переброшенным через сотни островков, образующих, собственно, это далёкое, почти сказочное для многих государство.

– Родичи твои где?

– Царь морской всех забрал.

Огарёк сказал это буднично, без вздохов и прочего – стало быть, отболело уже, прошло.

– Померли, значит. И каким ветром тебя сюда занесло? Что в Княжествах делаешь?

Огарёк поёрзал и тут же крепче вцепился в шею Рудо – испугался, что может свалиться. Черёмуховая ветка всё-таки хлестнула по щеке, и он зашипел обиженным котом, но руку не оторвал, не стал тереть свежую ссадину.

– Приплыл я. На корабле. В бочку с зёрнами спрятался – знаешь, такие смердящие, коричневые, их пекут, толкут в ступе и кипятком заливают, пить чтобы. У нас жерняком зовутся, а как у вас, не знаю. На всю жизнь нанюхался, за версту учую – воротит. Потом с шутами выступал, как приедем, покажу, что умею. Когда прогнали меня, стал по деревням бродить. Ну и поймали вот... А тебе я зачем? В услужение продашь?

– Да хоть бы так, польза от тебя была бы. А то провозился всю ночь, а толку ничуть.

– В лесу бросишь?

– Увидишь.

Не думал, что Огарёк окажется таким назойливым собеседником. А парнишка оживал, отходил от пережитого потрясения, бойко крутил головой по сторонам и, я чувствовал, готовил новые вопросы. Шустрый малец, от такого будет трудно избавиться, но я уже всё продумал.

На какое-то время Огарёк притих. То ли размышлял о своей участи, переваривая невероятные для простого мальчишки события прошлой ночи, то ли просто устал болтать. Рудо нёсся, как обычно, легко, будто не замечая лишнего седока, и я немного успокоился. Мы пронеслись через лес по тайным тропкам и выскочили на невозделанное поле, сплошь поросшее васильками, похожее на пёстрый девичий платок. Полевики – добрые и скрытные нечистецы, они любят людей, пусть и нечасто показываются на глаза, поэтому я не боялся, что Огарька могут не пропустить. Меня-то, ясное дело, все давно знали, и семья здешних полевииков с радостью приняла бы меня, если б я их позвал. А полудниц, гневливых и жестоких, я не боялся: уговор у них был со всеми соколами, древний и непреложный.

– Сам-то ты кто? – не выдержал Огарёк. – Не волхв, говоришь, а с лесовым знаешься. И собака-то у тебя какая...

Голос Огарька восхищённо дрогнул. Да уж, я всегда гордился Рудо, такой пёс – на зависть всем.

– Кречет я. Сокол Страстогоров.

Этого было вполне достаточно для любого, кто прожил в Княжествах хотя бы с месяц. Кто не слышал о соколах, тот,

должно быть, и о Княжествах не знает ровно ничего.

Огарёк ахнул. Краем сознания я уже понял, что скоро он произнесёт слова, которые досаждают мне сильнее всего. И точно, угадал. Всё-таки людей я знал неплохо и догадывался, что всем им – и блудницам, и мальчишкам-ворам – нужно от меня одно-единственное.

– Возьми меня в терем княжий! – выпалил Огарёк. Я не сдержался и тихо рыкнул. – Не злись, пожалуйста! Ты покажи хотя бы, я хорошо князю послужу, шутком буду! Я много чего умею, вот приедем, сам увидишь.

– У Страстогора уже есть шуты, лучшие в Княжествах, и хромой мальчишка ему ни к чему.

Я сказал как отрезал, сурово и сухо. Никто не решался спорить, когда я так говорил, и Огарёк тоже замолчал, приуныл. Но, увы, ненадолго.

– А княгиня у Страстогора молодая?

– Ну, молодая.

– Красивая?

– Какой ж князь на дурной женится? То лишь в неспокойные времена было, когда воевали все Княжества, ещё и с Царством вражились. Сейчас уж нет нужды в том.

Бурчал на Огарька, разъяснял неразумному, а память тут же рисовала образ княгини. Стройный стан, узкие ладони, чёрные косы, глаза зеленющие, губы цвета крепкого вина. И повадки её – движения величественные, но резковатые, пылкие, словно спешила всегда куда-то, и голос – грудной,

глубокий, но приглушённый, как рокот реки, доносящийся будто издалека.

– Игнеда, – шепнул я имя княгини, надеясь, что Огарёк не расслышит. Мне нравилось его произносить, такое сухое и тягучее, как ломтик пряника, обмакнутый в мёд.

– Ага! – возликовал мальчишка. – Подари меня красавице Игнеде, она к тебе благосклоннее будет. Я её веселить буду, а то, небось, грустно молодой со старым князем жить, стану смешить и развлекать.

Проницательный оказался, а может, просто угадал, попал зелёным пальцем в синее небо. Игнеда ведь не мать княжичу Видогосту, Страстогор женился второй раз, когда первая жена, Рижата, умерла после долгой болезни. Не от Мори, нет. Я помнил её, ласковую и золотоволосую, помнил её мягкие руки в рыжеватых родинках и расписные пряники, которые она дарила мне, птенцу-соколу, когда все другие не позволяли баловать меня вниманием, опасаясь княжьего гнева. Или просто чурались маленького соколка, думая, что не пройдёт испытания, сгинет, как многие другие, так и не встав на крыло. Я не знал, где таилась правда. И уже не хотел знать.

– За такой подарок меня князь взащей выгонит и не посмотрит на то, что сокол его. Закрывай рот, иначе сброшу с пса. Полудницы заключают.

– Далече до полудня-то. И не там выбирался, не пропаду, – огрызнулся Огарёк.

Путь стелился расписным платком, и не путь даже, а

сплошное пёстрое поле, но для сокола на верном монфе – все земли что ровный Тракт. Я любовался втихомолку бескрайним небом и синеватыми ёлками вдалеке, кровавыми каплями маков и голубыми глазами васильков, радовался ветру в волосах. А вот болтливый парнишка из Мостков выводил из себя: отчего-то пекло в груди после каждого его слова, и будто разрывался я, не зная, правда ли скинуть его, не жалея, или сберечь, схоронить в большом Горвене, ещё и монет подкинуть. Точно одно – вора при князем дворе ни за что не будет. А Горвень стерпит, стольный град большой и могучий, как бурлящее море, затянет, закрутит, перемелет и выплюнет, никого не оставит прежним, все дороги перепутает и перевяжет по-своему. Что там говорил Смарагдель? Огарёк мне предназначен? Как бы не так, перебыю планы Господина Дорог, перехитрю, избавлюсь. Пусть ненавидит меня Дорожник, смогу откупиться, а на поводу у него не пойду. Не в этот раз.

Я видел, что Огарёк устал от скачки. С непривычки ему, должно быть, приходилось совсем худо, всё тело ломило, и он изо всех сил старался не соскользнуть с собачьей спины. Рудо раздражённо тряс ушами, недоволен был лишним всадником, который, наверное, больно цеплялся за шерсть на загривке. Я-то почти сразу приучился скакать на монфе верхом, внутренним чутьём понял, будто нашептал кто-то. Знал, как сесть так, чтобы псу было не тяжело и чтобы у самого спина и ноги не болели, хоть полдня лети стрелой,

и седло нам с Рудо действительно ни к чему, обходились лёгкой кожаной сбруей, оплетающей пёсью грудь. Там, где я сжимал пёсы бока бёдрами, подшёрсток давно свалился, стал похож на ошупь на шерстяное одеяло – чем не седло?

Далеко впереди из утреннего синеватого тумана выступал обширный пологий холм, сверкающий россыпью искр – Горвень с его святилищами, богатыми теремами и торговыми площадями переливался на холме, как камень в оправе. В груди моей будто встрепенулась малая птица, захлопала крыльями: там Видогост, он дождётся, а я напою его лесной водицей из чарки Смарагделя даже против Страстогоровой воли, если на то пойдёт. И хотелось верить, что сработает колдовство, лесной морок спугнёт болезнь, и станет мой княжич снова бодрым и любознательным, и научу его голыми руками ловить карасей, как обещал когда-то, да не исполнил.

В думах время пролетело незаметно, и вот холм уже высился прямо перед глазами, а поле-платок осталось позади. Рудо понёсся ещё скорее, узнавая родные места, и совсем скоро перед нами выросли первые посадские дома с дворами, полными суетливых кур, цветом и формой похожими на свежеевыпеченные булки, запахло почти по-городскому: навозом, срубом, кашей и дымком. Огарёк оживился, завертел патлатой головой, разглядывая посад с любопытством, которое выдавало, что прежде он здесь ни разу не бывал. Я гнал пса быстро, чтобы никто не успел нас хорошенько разглядеть, а всё же некоторые глазастые бабы чертили щепо-

тью круг у себя на груди, заметив мальчишку с зелёной кожей. Что же, отныне слава моя пополнится новыми слухами и баснями. Зайду через день в трактир, натянув на лицо капюшон, и наверняка услышу свежий сказ о соколе Кречете, а вокруг рассказчика соберётся охочая до басен толпа, на радость хозяину заведения.

Уже замаячили тёмные бревенчатые стены детинца, но я пустил Рудо левее, в ту сторону, где подходила к городу речка Горлица.

– Куда везёшь-то? – требовательно спросил Огарёк, вовсе не заискивая, как раньше, а твёрдо решив вызнать мои планы на его счёт.

– В темницу брошу, где вору и место.

– Врёшь. Не злой ты, хоть и пугать пытаешься.

Я всё-таки думал о себе иначе.

Рудо остановился у торговой мыльни, стоящей у берега Горлицы, беззастенчиво опустил лохматую голову в лохань с речной водой и принялся шумно, прихлёбывая, лакать. Я спрыгнул на землю, повёл плечами, разминаясь, и едва успел подхватить Огарька, готового свалиться с пса неуклюжим мешком. Рудо верно понял мои намерения. Именно здесь я и надеялся оставить мальчишку.

Нет, это не была гнилая слобода с дешёвыми питейными и игорными заведениями и мыльнями со склочными девками, хотя такой рассадник людских пороков, несомненно, в Горвене имелся, и не один. Я собирался оставить Огарька пусть

у падшей девки, но всё же в приличном месте, куда пьяницы и бунтари не заходят. Земля у Горлицы – самая дорогая, здесь воду в мыльню можно качать прямо из реки журавлём, и здесь вряд ли встретишь любителей шумных развлечений и драк.

– Не меня ли ищешь, соколик? – пропел женский голос.

Я обернулся и увидел блудницу Елаву, стоящую у дверей мыльни. Раскосые чёрные глаза хитро шурились, алые губы улыбались, смуглые руки были скрещены, подчёркивая налитую полную грудь. Я широко ухмыльнулся, даже забыв на миг о том, куда я на самом деле спешу.

– Тебя и ищу.

Елава плавно подошла ко мне и ласково взяла под руку. Огарёк сидел на земле, растирая колени, и смотрел на нас настороженным зверьком.

– Хочу побыть с тобой, красивой, только спешу, – огоршил я Елаву. – Зайду позже, как свободнее стану. А в этот раз о другом прошу. Посмотри за парнишкой пару дней. Вымой, накорми да одень, если чего ещё захочет – не откажи.

Елава с интересом разглядывала Огарька, не убирая мягких ладоней с моего локтя.

– Так он мальчик совсем. И... чудной какой-то. Откуда взял?

– Не спрашивай лучше. – Я мотнул головой, и немая прядь волос упала мне на глаза. Мыльня бы не помешала, но некогда, некогда сейчас. Я спешно вынул из кошелька несколь-

ко монет и, не пересчитывая, сунул Елаве в тёплую ладонь.

– Если не хватит, потом ещё занесу. Береги мальчика. Поняла?

Она недовольно покусала нижнюю губу, сомневалась, правильное. Но всё же согласилась.

– Ладно, Кречет. Только потом всё расскажешь – иначе умру от любопытства.

– Расскажу, – пообещал я и тронул Огарька за плечо. – Вставай. Иди с Елавой. Может, навещу ещё.

Огарёк непонимающе вертел головой, как совёнок, выпавший из гнезда. Желтоватые глаза смотрели недоверчиво.

– Так правда не в темницу? В мыльню? К девкам? Удивил ты меня, гонец.

Я похлопал Рудо по холке, пёс отряхнулся, забрызгав меня каплями воды с мокрой пасти и шеи, и я снова вскочил ему на спину. Надавил пятками на бока, пусть бежит ко двору, а сам решил, что не стану оглядываться. Елаве я доверял. Она хоть блудница, но девка с мозгами, а ещё дышит ко мне неровно. Не подведёт.

На конце слободы к нам с Рудо пристал лоточник. «Купи петушка», да «Купи петушка». Народу тут было многовато, быстро не помчишься, а леденцы у торговца лежали ладными рядочками да поблёскивали боками на солнце, начиная чуть оплавляться. И формы какой искусной: и гребешок тебе, и борода, и хвост пушистый, ребристый, и даже глаза выпуклые. Что делать, купил. Порадую Видогоста.



Мы с Рудо влетели в ворота княжьего двора – стражи сами расступились перед нами, будто я был предвестником лиха, противиться которому не могли даже ладные воины из старшей дружины с боевыми топорами на плечах. Хотя зачем выдумывать, узнали издалека, как не узнать, и без расспросов открыли ворота, чтобы князь не гневался, что задержали его сокола.

У самого терема я спрыгнул с Рудо и хлопнул его по плечу – беги, друг, на псарню, там Аклете тебя напоит и мясцом угостит, а сам взбежал по ступеням, кивнул на бегу ещё двум стражам и помчался, миновав светлые сени, по каменным переходам, неизменно отдающим прелью и землёй.

Да, горько разочаровались бы все, кто просил меня взять их в терем княжий, – и девки бесстыдные, и проныра Огарёк. Не знаю, что в головах у них возникало от этих слов. Должно быть, мнили себе хоромы сплошь из золота и камней драгоценных, в парчовых и шёлковых занавесях из самого Зольмара, только ничего такого у Страстогора нет. Не любит верховный князь ни блеска золотого, ни мягких тканей, ни расписных потолков, ни музыкантов в залах. Наверху, в общем зале и палатах, стены всё же украшали рисунки солоградских умельцев, да и в горницах оконца блестели дорогим цветным

стеклом, но излишеств князь не признавал. Наверное, у Игнеды в светлице стояли сундуки с разным добром-барахлом, с платьями нарядными и украшениями богатыми, только там я ни разу ещё не бывал и утверждать не осмелюсь.

Я миновал второй ярус и поднялся ещё выше, пробежал через палату с цветными оконцами и оказался перед резной дверью в светлицу княжича. Страж и тут отступил, кивнул почтительно и повёл рукой – проходи, мол, сокол, знаю, что княжич будет рад тебя увидеть.

Я изо всех сил толкнул дверь и размашистым шагом прошёл внутрь. На меня сразу скверно дохнуло: травяными отварами, свечами и тленно-душным дыханием хвори. Сладкие ароматы трав и заморских благовоний не скрывали болезненного духа. Под тонкой корочкой томных запахов – гнилое нутро.

Светлицу было не узнать. Все три окна заслонили плотными бархатными занавесями, в помещении стало тускло и душно. По углам кровати расставили четыре подсвечника на высоких ножках, в каждом по пять оплавившихся свечей. Свечи разного воска: белые, жёлтые, мшисто-зелёные, бурые, сизые, каждая плакала по-своему душистыми каплями. Полог кровати был задвинут наполовину, и в багрово-коричневой тени бледное лицо княжича выделялось, как луна на сумеречном небе.

– Кречет! – выдохнул Видогост слабым голосом.

Я бросился к кровати и опустился перед нею, вцепившись

пальцами в волчью шкуру, постеленную княжичу в ноги. Жив ещё, успел! Узнал меня – не безумен, стало быть! Тогда, может, и обойдётся всё?

Взглядом пробежался по лицу и рукам Видогоста, сложенным поверх одеяла. Его волосы цвета гречишного мёда разметались по подушке, слипшиеся от пота. Карие глаза запали и потускнели, на шее мелко билась жилка. Тонкие руки покрывали багряные лунки величиной с ноготь мизинца, кожа на пальцах покраснелась и потрескалась.

– Соко-олик, – ласково протянул Видогост и поднял мне навстречу слабую ручонку. Я погладил его по голове и попытался улыбнуться.

– Не надо, силы не трать. Я привёз тебе кое-что.

Снял с пояса мех и чарку. Видогост вроде бы оживился немного, смотрел с любопытством. Может, думал, фокус какой покажу, как в былые времена. Рука моя наткнулась на что-то небольшое и твёрдое, и я вспомнил про сахарного петушка, завернутого в тонкую бумажку и припрятанного в мешке. Достал и его.

– Сладость там? Дай. Во рту горько.

Княжич закашлялся, в груди у него мокро заклокотало. Я протянул ему петушка, а сам поставил чарку Смарагделя на стол и вырвал зубами затычку меха. От тонкого запаха лесной воды в комнате будто стало свежее.

Почему-то руки мои подрагивали, когда я выливал воду и подносил чарку Видогосту. Такого со мной давно не бывало,

а когда бывало, я старался скорее управиться с собой, унять мимолётную слабость.

– Выпей, Видогост. Полегчает, – сказал я так твёрдо, как только мог.

Княжич доверчиво протянул ручки-веточки к чарке и прижал пальцы к её прохладным деревянным бокам. Нагие лесавки, вырезанные на чарке, как будто мигнули, задрожали, готовые ворожить.

Вдруг чья-то крепкая рука ухватила меня за плечо и рванула назад. Чарка выпала, княжич ещё не успел её как следует обхватить, водица выплеснулась на кровать и на дощатый пол, заполнив светлицу ароматами ландышей и свежего мха. Я весь подобрался, вскочил на ноги и выхватил нож, готовый биться за Видогоста, но с изумлением и яростью понял, кто именно помешал мне излечить княжича.

Передо мной стоял Страстогор, выпятив грудь и гневно уперев руки в бока. Князь был ниже меня и уже в плечах, но его властный, рассерженный и негодующий взгляд заставил меня вновь почувствовать себя неоперившимся соколёнком, сделавшим всё не так, как должно.

– Не гневайтесь, отец! – тонко попросил Видогост.

Страстогор бросил на сына быстрый взгляд, схватил меня за плечи и грубо толкнул к двери. Я мог бы с ним совладать, но знал, что сделаю только хуже. Сокол верен своему князю. Сама мысль о непокорности есть измена, а среди соколов изменников не было и не может быть. Я позволил Страстого-

ру выпихнуть меня из светлицы, словно козла, забредшего в чужой огород. За моей спиной княжич слёзно просил не гнать меня, и моё сердце сжималось от жалости. Я кивнул ему – приду, мол, ещё, не волнуйся, отца твоего уговорю. Но вслух не сказал ничего, чтобы князя пуще не злить.

Страстогор вывел меня в открытые сени, откуда весь двор был виден как на ладони. Гнев князя можно было почти потрогать, он сгустился тучей и клубился вокруг, потрескивая непокорным костром. Я приготовился отстаивать свою правоту. В самом деле, мне таиться нечего. Помочь хотел, не навредить. Страстогор выпрямился передо мной, всего шаг разделял нас друг от друга. Я видел каждую морщинку на загрубевшем от возраста и невзгод лице, каждый волосок в седой и жёсткой, словно спутанный невод, бороде, а яснее всего видел холодную ярость, пылающую в мутно-зелёных, в бурый крап, глазах.

– Ты прибыл один, – выговорил Страстогор с укором в голосе.

– Один, – подтвердил я. – Зато со снадобьем.

– С нечистецким пойлом. – Князь сплюнул на пол и растёр плевок остроносым сапогом. – Разве для того я посылаю тебя? Разве этого просил для наследника?

Я не потупился и взгляда не отвёл. Стоял твёрдо, так же как князь. Не чужой мне Видогост, пусть поймёт это.

– Не отыскал я знахаря. Не справился. Но привёз иное средство. Разве не выздоровления Видогоста мы оба жаж-

дем? Так уж неверно я поступил?

Страстогор весь затрясся от невысказанной ярости, от неприязни – ко мне ли, к нечистецкой воде ли. Рот его скривился, уголки губ скрылись в седой бороде, так что и неясно было, расстроен князь, гневен или просто донельзя разочарован своим соколом.

– Ты клялся мне, Кречет, – произнёс он. – Клялся не втягивать моего сына в свои нечистецкие дела. Так отчего приволок эту отраву?

Да уж, сильна была ненависть князя ко всем нечистецам, но хуже прочих он ненавидел лесовых. Сколько я ни старался выпытать у него и у приближённых, в чём причина этой лютой неприязни, всё впустую. Да, гордился, что его сокол с ними на короткой ноге, да, не чурался, если визнаю у них что-то, но сына и свои хоромы оберегал от лесной волшбы так яростно, что даже лук Видогосту заказывал у мастеров Царства, а не у наших оружейников, а на охоту княжича брал только тогда, когда забавы ради выезжал пострелять белок на Тракте, не сворачивая в чащи.

– Чтоб исцелить, говорю же. Сильна ворожба лесовых, сам знаешь. Зря испробовать не хочешь...

Страстогор перебил меня, раскаркался старым вороном:

– Довольно с меня духа нечистецкого! Не будет при моём дворе ни снадобий, ни слов, ни чар лесных! Не потерплю, и ты это знаешь, не единожды говорено! Слишком много воли тебе давал, вот теперь расплачиваюсь. Обленился ты, со-

кол, и дружбой с нечистыми щегольнуть решил. — Страстогор шагнул близко-близко, но всё же не коснулся меня выставленным пальцем, брезговал, видно, рубахой моей грязной. — А может, и не искал знахаря вовсе? Ходил по мыльням да кабакам, пил на мои деньги и с бабами лежал. Так говорю? Вот и решил представление устроить с водой вонючей и украденной чаркой. Прав я, сокол мой?

Что-то тёмное колыхнулось у меня в груди, тёмное и тяжёлое, отдающее во рту полынной горечью. Знал ведь князь, что не поступил бы я так, как он описал, и проверять ему меня больше незачем, доказал давно всё, что мог. Видно, тревога за сына совсем изглодала его разум и душу, раз усомнился во мне. Или нарочно задеть хотел?

Я отвёл глаза и шагнул к деревянному ограждению, вырезанному в форме пузатых бочонков, украшенных шарами снизу и сверху. Как назло, громкие слова князя привлекли внимание люда, и внизу собрались зеваки, задрав головы и, как мне показалось, со злорадством слушая нашу ссору.

— Неправ, князь. Совсем не так всё было. Я гнался по всему Холмолесскому, пса не жалел, ни одной деревни не пропустил, а никто о волхве Истоде давно уж не слышал. Будешь злиться, знаю, но скажу: у лесовых тоже о нём справлялся. Они не видели. Нет его нигде. Нет.

Я умел говорить так, что все смирнели и соглашались, верили мне. Вот и Страстогор понемногу притих, покрасневшее лицо из гневного сделалось усталым и печальным,

плечи опустились. Он провёл ладонями по тёмно-зелёному кафтану, разглаживая складки, и снова подошёл ко мне, облокотился на поручень оградки. Люди внизу приветственно зашумели князю, а он махнул рукой: идите, мол, по своим делам, не скоморошьи игрища тут устраиваем.

– Видогост мне как братец младший, – проговорил я. По двору прогуливались девки в богатых одеждах, взявшись под руки, лоточник с петушками тоже добрался до княжьего двора и напевно расхваливал свои сладости. Со стороны кузницы раздавались мерные удары молотом по железу, а в святилище тихо мурлыкали колокола-перезвонцы – округлые в башне Золотого Отца и трубчато-заострённые в башне Серебряной Матери. Святилище в детинце Горвеня было большим, сдвоенным, чтобы князь мог и утром, и вечером в одних стенах молиться. Купола его – золотые и синие – слепили издалека, в ясный день приходилось щуриться, когда к городу подъезжаешь.

– Не должно так быть, – покачал головой князь. – Сокол не голубь, нет у него стаи. Но я тебе верю. Лети, соколок. Времени мало у нас, сердцем чую. Вымойся, смени одежду, если нужно – бери коней, бери простых гонцов на подмогу, расшибись в кровь, а приведи мне знахаря.

Страстогор положил узловатые ладони мне на руки и добавил ласково, в лицо мне заглядывая:

– Приведи в три дня или умри.

Я сухо кивнул, вырвал руки из княжьей хватки и поспе-

шил прочь. Хотелось ещё разок увидеть Видогоста, но стыдно было после того, как князь за шкурку выволок меня из светлицы. И ёкнуло где-то глубоко, на донышке сердечном: а что, если правда моя в том вина? Плохо искал, к девкам за-хаживал, не понимал до конца, как скверно всё может обернуться...

Сбежал по ступеням во двор и во второй раз наткнулся на лоточника с леденцами. «Купи петушка», – опять заладил. Я отмахнулся от него. Не до петушков уже.

Глава 8

Дом у мельницы

– Подумать только, сжирают глаза... как им это удаётся? – в который раз проворчал Энгле. Ним шикнул на него. От разговоров о мертвецах и таинственных убийцах в шутовских масках начинала болеть голова. Велемир и тихий парнишка хоть и молчали, но, видно, придерживались того же мнения.

Ещё недавно Ниму и в страшном сне не могло присниться, что когда-нибудь он станет ночевать в лесу. А мысль о ночёвке в лесах Княжеств если бы и возникла в его голове, то тут же отмелась как нелепая, невозможная и откровенно пугающая. Тем не менее прошедшую ночь Ним провёл именно в чаще Средимирного княжества, а постелью ему служили сырой мох да сплетённые клубком стебли звездчатки.

Велемир выбрал им для ночлега поляну, прорезанную тонкой лентой ручья – наверное, того же самого, вдоль которого они шли, свернув с Тракта. Свечник выкинул в ручей краюху хлеба, чем вызвал жаркое негодование Энгле. «Дар, – пояснил Велемир. – Ночью постережёт».

Поверив наконец, что за ними нет погони и в лесу не шумит ничего крупнее дроздов и лис, путники отважились развести небольшой костерок. Велемир продолжал уверять, что водяной посторожит их сон, да так, что не придётся даже

бодрствовать по часам. Ниму с трудом верилось, но он так устал, что не смог ничего возразить, а просто заснул, едва опустилсЯ на землю.

Они проснулись рано. Лес зашумел с наступлением бледных утренних сумерек, да так звонко, как не шумел даже солнечным днём. Дробно стучали по стволам дятлы, переговаривались дрозды и сойки, в листве шуршали какие-то мелкие зверьки, умело маскирующиеся так, что никак не удавалось их разглядеть.

Путники позавтракали незрелыми лесными орехами и дикими яблоками, такими кислыми, что немел язык, и двинулись дальше, не дожидаясь, когда солнце поднимется.

Снова повёл Велемир – быстро и уверенно, без лишних слов, ловко отыскивая в лесу тропы и обходя буреломы. Его молчаливость изрядно угнетала Нима: всё-таки приятнее знать, куда идёшь и зачем. Свечник же только отделивался односложными ответами или вовсе кивками, и такая таинственность вовсе не придавала ему значимости, а только раздражала.

– Так может, расскажешь, куда идём? – спросил Энгле так громко и требовательно, что на месте Велемира Ним бы растерялся и точно выложил всё, что было на уме. Велемир только стрельнул прищуренными тёмными глазами и хмыкнул:

– А тебе недостаточно, что два раза от смерти увёл? И в лесу не кричи, не чужеземец, чтоб такого не знать.

Энгле смущённо опустил голову, но продолжил спорить, только гораздо тише:

– Это, конечно, прекрасно. Спасибо тебе. Но недурно было бы понять, что нас ждёт теперь. Где мы? Далеко ли от Коростельца или Иврога? И что ты будешь делать, если твари, сжирающие лица, в третий раз объявятся? Снова спасёшь всех нас и совсем ничего не попросишь взамен?

– Может, спасу. А может, посмотрю, как они выдирают твой язык и откусывают по маленьким кусочкам, – не выдержав, огрызнулся Велемир. Ниму это понравилось, так хотя бы становилось ясно, что свечник – обычный парнишка, где-то резкий и раздражающийся, а не притворяющийся человеком лесной нечистец.

Энгле смолк, сделал вид, что слишком сосредоточен на том, чтобы не спотыкаться о корни и не попасть лицом в паутину, серебряными нитями тут и там растянутую между стволами.

Испытания закаляют – эта избитая истина всегда воспринималась Нимом как что-то настолько обыденное и само собой разумеющееся, что и внимания недостойно. Однако с изумлением он обнаружил, что это действительно так. Кораблекрушение, убийство возницы, нападение на деревню и две ночи в лесу он уже вспоминал не с леденящим кровь ужасом, а с обречённым печальным спокойствием. Два дня его окружала смерть, ступала за ним по пятам. Всего два дня, а казалось, будто они путешествуют бок о бок уже не пер-

вый месяц. Ужин, крепкий сон и нехитрый завтрак возымели прямо-таки чудесное действие, и теперь, уже почти привычно шагая по лесу, Ним чувствовал, что начинает оживать. Становится пусть не тем беспечным мальчишкой, который отплывал из Зольмарской гавани, мечтая поступить в ученичество к художнику, но кем-то очень на него похожим. Чуть лучше. Сильнее, осведомлённее, осторожнее.

Напряжённое молчание между путниками затягивалось: гнетущее и неловкое, какое бывает после ссоры малознакомых людей. Ниму казалось, что без звуков человеческой речи громче слышатся пугающие лесные трески и шорохи, и он мучительно пытался придумать, как вновь завязать разговор. Камень, подаренный девушкой, пылал на груди холодным огоньком, и Ниму хотелось верить, что именно сила камня помогла ему остаться целым.

– Как ты сказал? Соколий камень? – спросил он, обращаясь к Энгле.

Энгле время от времени жадно косился на камень, и по этому алчущему взгляду чувствовалось, как сильно ему хочется рассмотреть и потрогать диковинку.

– Ага. Соколий, конечно, какой же ещё. Откуда ты его взял, если сам не сокол? Украл у кого? Их так просто не раздобудешь.

– Подарили, – расплывчато ответил Ним. Его ноги и рёбра снова начали ныть, но уже не так мерзко, как вчера. На стопах вздувались волдыри и мозоли, спасало только, что под

ногами стелился мягкий мох, а не расползался жёсткий брусничник.

– Мне бы кто подарил. – Энгле цокнул языком. – Бывает, коробейники пытаются втюхать похожие камешки. Подкрашенные, сразу видно. Выдают за настоящие, и, знаешь, находятся олухи, которые им верят и монет отсыпают. Только настоящий камень за версту видно. Он будто подсвечивается изнутри, словно искорку в него поймали. Или капельку крови. Красиво.

Ним потянул за шнурок, показывая камень Энгле, но не снимая с шеи. Энгле осторожно взял оберег пальцами и бережно поднёс к глазам, поворачивая на свет полупрозрачными гранями.

– Точно настоящий. Береги его. А если продавать надумашь – то только за полный кошель золота, не меньше!

По голосу Ним понял, как жутко Энгле завидует. И не просит подарить – знает, что вещь слишком ценная. Отчего же тогда девушка так легко рассталась с этим сокровищем?

– А почему их сокольными зовут? – спросил он.

– Так всё просто, – хмыкнул Энгле. – Такие камешки соколам выдают после того, как они все испытания пройдут и докажут свою верность князю. Чем ярче искорка внутри, тем сильнее камень. Но самые сильные те камни, которые сплошь цветом окрашены, будто кровью залиты. Бывают розовые, как кипреев цвет, а иные – багряные, как спелая вишня. Говорят, их верховный водяной достаёт со дна Русалье-

го озера, у него их там целые россыпи. А каждый камешек когда-то давным-давно был сердцем отважного воина, утопленного мавками и русалками в озере. Чем ярче камешек, тем храбрее было сердце воинское.

– А водяные считают, будто Великолесские лесовые их растят, как грибы, окропив своей зелёной кровью чёрную землю, – вмешался в разговор Велемир. – Про сердца – сказка для вздыхающих девиц.

– Да не суть, – отмахнулся Энгле. – Нечистецкая вещь это, в общем. Быть может, даже сам Господин Дорог их на перекрёстках выискивает.

Про Господина Дорог он добавил с таким восторгом, что Ним понял: уж кто-кто, а Энгле точно верит в него самой искренней верой.

– И что, защищают эти камни? – спросил он.

– Ещё бы! – горячо заверил Энгле. – Соколов потому и не трогают нечистецы, позволяют свернуть с любой дороги прямо в лес, вот как мы сейчас, и даже никакие свечи и ручьи соколам не нужны, нечистецы нюхом чуют искорки в камнях и оттого пропускают княжьих гонцов, не утаскивают в чащобы и на дно рек. Если есть такой камешек – считай, есть подписанный пропуск во все потайные уголки Княжеств.

Ним задумался ещё крепче. Может, девушка просто не понимала, насколько ценную вещь отдаёт? Неужели ей самой больше не нужен соколиный камень?

– Нам и свечи твои не нужны, пока у Нима есть камень, –

заявил Энгле, глядя на Велемира. – Не тронет никто.

Велемир поджал губы, между бровей у него залегла угрюмая складка.

– Его не тронут. А тебя? Думаешь, камень сразу всех защищает? Нет уж, только того, кто камнем владеет. Камни все наперечёт, а свечей мы много делаем, всем желающим хватает, и заступится водяной, если к воде поближе держаться. Не нравится – отдавай свечу, иди, надейся на камень, который даже не на твоей шее висит. Или помолись Господину Дорог – ты крепко веришь в него, вижу.

– А ты будто не веришь? – огрызнулся Энгле.

Велемир повёл плечами и поднырнул под низко свисающую ветку, перекрывающую путь.

– Может, верю, а может, и нет. Нечистецей я видел своими глазами, когда они решали мне показаться. А Господина Дорог – нет.

– Зато я видел его своими глазами. Вот как тебя сейчас. А нечистецей, считай, не встречал. Только слышал, как плещется что-то в пруду за деревней, и пару раз казалось, будто в лесу кто-то большой шевелится, а присматривался пристальнее и понимал, что это сухая коряга из земли торчит, – упрямылся Энгле.

Велемир обернулся на него, споткнулся и чуть не выронил свечу.

– Брешешь. Не мог ты его видеть.

– Видел! И говорил с ним, как с тобой сейчас! Не хочешь

– не верь, доказывать ничего не буду.

Энгле утверждал с таким жаром, что даже Ним почти поверил в его встречу с Господином Дорог, однако Велемира эти речи не убедили.

– И каков же он? Сможешь рассказать?

Энгле надулся. Ним давно отметил, что у парнишки на редкость живое и подвижное лицо, по которому можно сразу прочесть любые смены настроения и мыслей. За такими лицами интересно наблюдать, а ещё интереснее было бы попробовать зарисовать его, поймать на бумагу движения бровей, прищур серых глаз, запечатлеть задумчивость или, как сейчас, желание убедить в чём-то важном почти незнакомых спутников.

– Он ростом невысок, ниже меня на полголовы, – произнёс Энгле и покусал сухие губы. Голос его сделался тих, но остался так же горяч, и чувствовалось в его словах какое-то смущение, будто Энгле раскрывал чью-то страшную тайну, хранить которую было выше его сил. – А обликом переменчив. У него волосы длиной до плеч, то делаются тёмные, как у мальчишки, то седые, как у дряхлого старика. И лицо такое же. Миг – молодое, миг – взрослое, миг – всё переморщенное, стариковское. Зато глаза всегда ясные и так смотрят, будто прямо самое нутро твоё разглядывают.

Энгле передёрнул плечами, и Ним не смог понять, от неприятных воспоминаний или от затаённого восторга.

– Про Господина Дорог что угодно можно наплести, по-

тому что никто его не видел и никто не подтвердит, врѣшь ты или правду говоришь, – буркнул Велемир.

Ним чувствовал себя на редкость чудно, слушая этот разговор. Парни в Царстве обсуждали модные костюмы, цены на благовония из Мостков и поединки фехтовальщиков – обыденные, приземлённые вещи, с которыми каждый день имеешь дело. Тут же двое юношей спорят не о людях даже – о неведомых сущностях, нечеловеческих силах, чьё существование в Царстве кажется не более чем выдумкой, страшилкой для детей.

– Постойте-ка, – перебил Ним. – А как же те, у кого ни камней, ни свечей нет? Они не могут свернуть с дороги и пойти напрямик?

Велемир недовольно поджал губы, а Энгле ещё больше оживился, чуть не подпрыгнул на месте. Он постучал себя согнутым пальцем по виску и усмехнулся.

– Ну и дурень же ты, а ещё из Царства, говоришь. Ну да, ну да, вы же там живёте припеваючи, веселитесь всё, а леса у вас мёртвые, всё равно что высохшие русла. Значит, слушай и запоминай, потом у себя в Царстве расскажешь, все девчонки рты пооткрывают и сами тебе на шею бросятся, когда поймут, какой ты умный и сколько всего повидал. – Энгле взял Нима под руку и стал чётко, повысив голос, рассказывать, будто считал Нима не только тугодумом, но ещё и полуглухим. – Все деревни и города, вот прямо все-все, которые близко к лесам стоят, раз в год платят дань лесовому. И

не просто дань, а живыми душами. Один год – одна душа. Так честно, так всегда было, а лесовой взамен остальных жителей не трогает, скотину не обижает и гонит дичь на охотников. На Трактах безопасно, Трактами заведует Господин Дорог, нечистецы не станут пугать путников, только вот сейчас, как видишь, какая-то ерунда приключилась и на Тракте на нас всё-таки напали. Свечи помогают только тогда, когда идёшь вдоль реки или ручья какого, вот как мы сейчас. Оберегают пришлых, кто в чужие места забрёл. Но такой договор только у свечников с водяными, это ты уже слышал. Благословение свечи в обмен на дары, а дальше другие нечистецы сами разбираются, когда горит такая свеча, они всё понимают и между собой договариваются. Иначе беда будет с верховным, но это у водяных свои разговоры, я подробностей не знаю. Понял теперь? Местных не трогают, а чужие покупают свечи, если хотят. Но свеча только у воды работает.

Ним неуверенно кивнул. Энгле так озабоченно заглядывал ему в лицо, словно всерьёз боялся, что Ним так ни слова и не поймёт и снова спросит что-то само собой разумеющееся для жителя Княжеств, но совершенно новое для выходца из Царства.

– Ну и славно. Ты неплохой парень, глуповат, правда, но пообвыкнешься, уму-разуму наберёшься и станешь не хуже любого из нас.

Ним вымученно улыбнулся.

Ручей разлился шире, побежал быстрее, каменистое дно

сменилось песчано-илистым, и Ним наконец понял, куда вёл их Велемир. Вскоре впереди показалась мельница, её могучее колесо зачерпывало воду из ручья, а чуть поодаль приютились ульи. Рядом с ульями из земли торчали колья с лошадиными черепахи-оберегами. Двор мельника стоял на отшибе, в стороне от деревни, а пологие крыши остальных домов, утопающие в яблоневых и сливовых садах, виднелись чуть дальше.

– Во как! – восхитился Энгле. – А чего со стороны леса завёл? По Тракту же быстрее вышло бы, вон, просвет виден.

– Ты только что рассказывал чужеземцу о наших порядках, а сам такой вопрос задаёшь, – фыркнул Велемир и загасил свечу. – На Тракте теперь неизвестно что, а мой водяной всегда меня защитит.

У мельницы паслись куры – сплошь чёрные, как угольки. В загоне дёргали хвостами козы, тоже чёрные, только опущенные вниз уши окаймляли серебристые волоски. Откуда-то издалека едва различимо тянуло скверной гарью, не тем дымком, каким пахнет от костра или из печной трубы, а смрадом успокоенного пожарища.

Навстречу путникам выбежала женщина – высокая, молодая, её чёрные волосы были сплетены в косы и уложены вокруг головы. Ним вздрогнул, когда заметил блеск и понял, что в правой руке женщина сжимает нож.

Велемир схватил за плечо обкромсанного парнишку – тот в последнее время вёл себя так тихо, что Ним даже забыл о

нём. Парнишка всхлипнул и дёрнулся, но Велемир держал мёртвой хваткой.

– Матушка, что случилось? – ровным голосом спросил свечник.

Ним быстро посмотрел на Энгле, не зная, что ему делать. Энгле кивнул и прошептал:

– Порядок. Так бывает. Не беги и не противься, а то хуже станет.

Ниму пришлось призвать на помощь всё своё самообладание, чтобы не броситься бежать. Раз Энгле стоит прямо и смотрит без страха – значит, так надо. Кто знает, какие на самом деле в Княжествах обычаи? Как встречают незнакомцев в глухих деревнях? В прошлый раз девушка честно предупредила, что чужака могут убить. И вспышкой пронеслась перед глазами увиденная, но почти забытая картина: нагие женщины пляшут в свете месяца, взявшись за руки...

Женщина, не отвечая на вопрос Велемира, подбежала к обкромсанному парнишке, задрала ему рукав рубахи и полоснула ножом по белой коже предплечья. Парнишка вскрикнул, тут же выступила бордовая дорожка крови, а Велемир наклонил его руку над ручьём, стряхивая в воду горячие капли. Женщина повернулась к Энгле, и тот сам засучил рукав, глядя на мать Велемира с покорностью. Ним заметил, что пальцы Энгле всё же подрагивали. Женщина взрезала и его руку, а Энгле молча окропил кровью ручей. Очередь дошла и до Нима. На удивление, нож не принёс особой боли –

наверное, Ним за последние дни слишком привык к потрясениям и неприятностям. Следуя примеру Энгле, он тоже покапал своей кровью в воду, и только тогда Велемир расслабился, выпустил мальчишку и подошёл к матери. Женщина тоже перевела дух и виновато улыбнулась.

– Простите, путники, времена нынче такие...

– Случилось что? – повторил вопрос Велемир. Его голос ожесточился от нетерпения.

Женщина обняла его и поцеловала в лоб. Свечник и его мать были одного роста и со стороны могли бы сойти за брата с сестрой или даже за возлюбленных.

– Слышала, в Лузовники беда пришла, немногие выжили, а кто выжил, те страшное рассказывают. От отца нет вестей, ты возвращаешься не со стороны Тракта, а из леса выходишь... Ох, передумала я всякого!

Она сильнее прижалась к сыну, и Ним заметил, что у невозмутимого Велемира покраснели уши. Кровь из порезов почти перестала идти, всё-таки нож прорезал кожу неглубоко, только чтобы пустить несколько капель. Беспокойство понемногу отпускало Нима, он ободряюще похлопал обкромсанного парнишку по спине и кивнул в сторону дома. Кажется, жизнь потихоньку налаживалась.

– Не вините меня, – попросила мать Велемира.

– Ерунда, – отмахнулся Энгле. – Неспокойно сейчас, это вы точно подметили. Надо быть осторожнее.

– А для чего это? – спросил Ним, задумчиво трогая паль-

цем свой порез.

– Нимус нездешний, – поспешил пояснить Велемир. – Он из Царства.

Мать Велемира ахнула и прижала ладони к груди. Ним испугался, что она сейчас рассыплется в извинениях, но ничего подобного не произошло.

– Что же, с ним чары не подействуют?

– Подействуют, как видишь, у них тоже красная кровь, – хмыкнул Велемир. – Не волнуйся, мам. Нимус хороший парень. Энгле тоже. И...

– В дом, в дом, – решила мать. – Там поговорим. Нечего трепаться у всех на виду, ещё и у воды.

Ни разу в жизни Ним не бывал в домах, построенных по обычаям Княжеств. В Царстве дерево ценилось высоко, потому как густые леса считались редкостью, и дома возводили из более доступных материалов: камня или кирпича. Дом же мельника, как и все дома в той деревне, которую атаковали скоморохи, был сложен из толстенных брёвен. Чтобы поднять одно такое бревно, потребовалась бы, наверное, сила дюжины мужчин. Квадратные оконца обнимали наличники с изображениями рыб, хвостатых дев и рогатых водяных. Над дверью висела поржавевшая подкова, на лавке у крыльца дремала кошка, такая же чёрная, как куры и козы.

В просторной комнате стоял дощатый стол с двумя скамьями, за столом маленькая девочка играла с глиняной лошадкой, а в свежесбеленной печи томился горшок со съест-

ным. Девочка, увидев незнакомцев, сдвинула чёрные брови и серьёзно сжала рот в ниточку, но, когда заметила Велемира, бросила игрушку и побежала встречать.

– Велёмушка вернулся! – воскликнула она и прижалась к Велемиру.

– Здравствуй, Мава, – улыбнулся свечник и погладил девочку по волосам.

– Сколько свечей, – вдруг выдохнул Энгле, изумлённо озираясь по сторонам. И правда, свечи здесь были повсюду, но сейчас не горели, хватало дневного света. Подсвечники и фонари стояли на всех поверхностях, а в углах и по стенам занимали отведённые им полки. Некоторые свечи выгорели до крошечных огарков, некоторые выглядели совсем новыми, даже фитили не обуглились. Дом наполнился их медово-травяными ароматами.

– Мы с матушкой только три могли себе позволить, – добавил Энгле с явственной завистью в голосе.

– А мы их сами делаем, – сообщила маленькая Мава, с любопытством разглядывая чужаков. – и ты тоже сделай. Не умеешь, что ли?

Мать Велемира отправила Маву обратно на скамью, пригласила гостей садиться, а сама засуетилась у печи. Скоро на столе оказались пироги с щавелем, козий сыр, сбитень и большой горшок каши с грибами и сливками. Следом за горшком по столу рассыпались деревянные ложки – по одному на едока, но никаких тарелок не было. Ним взял ложку

и с интересом стал ждать, что будет дальше.

– Каждый, кто будет есть, должен сказать о себе правду, – пояснил Эngle. – Так всегда делается, когда впервые принимаешь гостя у себя дома. Я начну, раз тебе неловко.

Он провёл рукой по льяным волосам, облизал губы и проговорил:

– Я – Эngle Тальн из Прудёмуха. Сын рыбака. Еду в... – Он осёкся, подбирая слова. – Ищу сокола в уплату долга.

Велемир поднял бровь. Его мать тоже, видимо, удивилась, но не стала ничего спрашивать.

Эngle с облегчением вздохнул, когда понял, что никто не собирается выпытывать у него подробности, зачерпнул полную ложку каши и сунул в рот. Ним понял, что теперь настала его очередь.

– Нимус Штиль из Стезея. Еду в Коростелец, чтобы отправить весть родителям. Оттуда должен отбыть в Солоград, чтобы поступить в ученичество.

Хозяйка кивнула, и Ним тоже зачерпнул ложку каши. Она оказалась на удивление вкусной: золотистое рассыпчатое пшено пропиталось ароматом душистых лесных грибов, тёмных и сочных, вовсе не похожих на те, которые Ним ел до этого. Ним поспешил скорее проглотить угощение, потому что понял, что сейчас что-то скажет их молчаливый спутник с неаккуратно подстриженными волосами.

Парнишка неуверенно взял в руки ложку и закусил губу. Тёмные ресницы подрагивали – видно, не хотелось говорить,

но иначе нельзя было. Он открыл рот и промолвил:

– Мейя Вешер из Чернёнков. Бегу хоть куда-нибудь.

Ним, Эngle и Велемир вытаращили глаза. Так это девчонка! Мешковатая одежда и короткие волосы сбили с толку сразу троих. И как по голосу не поняли? Она ведь не всегда молчала, всхлипывала несколько раз.

– Девка! – выдавил Велемир, не справившись с изумлением.

– Не нужно так, – оборвала его мать. – А то раньше понять не мог? Я сразу разобрала, дала водяному девичьей крови первой попить.

Велемир надулся и приготовился спорить с матерью, но тут детский голос разрядил обстановку.

– Мава-красава, – объявила Мава. – Играю с лошадочкой, папу жду, Велёму уж дождалась.

Мава деловито черпнула каши и стала потешно есть, держа ложку перед собой и откусывая от пшённой горки маленькие кусочки с боков. Эngle хохотнул.

Некоторое время они молча ели кашу, радуясь гостеприимству мельничного дома. Однако кое-что не давало Ниму покоя, мешая полностью расслабиться и почувствовать себя в безопасности.

– Зачем вы взяли нашу кровь? – прямо спросил Ним.

– Он, наверное, хочет написать книжку об обычаях Княжеств, – всплеснул руками Эngle, чуть не пролив свой сбитень. – Уж простите его, такого тёмного. Не местный, сами

видите.

Мать Велемира снисходительно улыбнулась, глядя на Нима не то с любопытством, не то с жалостью.

– Водяной должен попробовать кровь чужаков. Если посчитает, что вы способны навредить его подопечным, даст знак. Воду окрасит, бурю нагонит или пришлёт горластых сорок-вещниц. Да и любит он крови людской попить, особенно девичьей. Я-то проницательней вас буду, сразу смекнула, что Мейя девица, а не парень, каким хочет прикинуться, меня не проведут стриженные волосы. Извините, если напугала, но откуда я могла знать, что к нам забредёт чужестранец? За всю жизнь только на торгах в Коростельце их видала: шелками да пахучими травами они торгуют, иной раз привозят чудные безделицы для богатых боярских дочерей и жён.

Мейя никак не показала, что её задела слова хозяйки или что она их хотя бы услышала.

Ним облегчённо кивнул и потянулся за румяным щавелевым пирожком.

– За второе блюдо – вторая правда, – предупредила мать Велемира.

Ним подумал, что мог бы рассказать о себе столько всего, что хватило бы на царский пир с полусотней блюд. Легко говорить о себе людям, которые видят тебя впервые.

– Я неплохо рисую. Надеюсь, в Солограде отточат моё мастерство.

Мава открыла рот, чтобы что-то спросить, но мать одёр-

нула её и кивнула Энгле. Энгле вздохнул и повёл плечами.

– Моя мать не знает, где я. Думает, поехал в Коростелец плести неводы на продажу.

Велемир кивнул. Все взгляды устремились на Мейю, но она демонстративно сложила руки на коленях и опустила голову. «Ничего не скажу, второе блюдо мне не нужно», – говорил весь её вид.

– Что ж, – произнесла мать Велемира и Мавы. – Третье угощение за ответ на вопрос. – Она разлила горячий сбитень по кружкам и внимательно посмотрела на гостей, будто решала, что ей лучше спросить. – Нимус Штиль.

Ним встрепенулся и невольно выпрямил спину.

– Ты сказал, что хочешь учиться в Солограде. Солоград – стольный град Солоноводного княжества, так как же тебя занесло к нам в Средимирное?

Ним выдохнул. Вроде бы ему было нечего скрывать, да и любой ответ можно преподнести так, как нужно тебе самому, а если что – вовсе отказаться, сложить руки, как Мейя, но ожидание вопроса всегда неприятно.

– Мой корабль потерпел крушение, – глухо ответил Ним. – Мне повезло. Я выжил. Сам не знал, куда волны вынесли. Оказалось, в Средимирное.

– Владычица Яви ещё не готова обрезать твою нить, – заключила хозяйка. – Спасибо, Нимус. Я рада, что ты посетил мой дом. Энгле, – она повернулась к следующему гостю. – Ответишь мне?

Энгле покосился на сбитень и сглотнул.

– Да.

– Кому ты задолжал?

Уголок рта Энгле дёрнулся, он часто заморгал, хмыкнул, почесал в затылке и положил руки на стол перед собой, рассматривая свои пальцы в заусенцах и цыпках. Ниму стало его жалко и одновременно жгуче любопытно: почему он так разнервничался? Неужели мать Велемира, сама не желая, спросила что-то потаённое?

– Я должен Господину Дорог, – признался Энгле, не отрывая упрямого взгляда от своих рук.

Мать Велемира ахнула.

– Мы говорим правду, – укорила она. – Даже когда отвечаешь на вопрос, нужно отвечать правдиво.

– Я и говорю правду, – вспыхнул Энгле. Его бледное лицо покрылось неровным румянцем. – Вы спросили – я ответил.

– И какую услугу он тебе оказал? Как вы встретились? Ты сам его призвал?

Мать Велемира тоже заметно заволновалась, и неясно было, поверила она Энгле или нет. Ним наблюдал за их разговором с любопытством.

– Это уже четвёртый, пятый и шестой вопросы. Так что...

Энгле бесцеремонно придвинул к себе кружку сбитня и сделал шумный глоток. Там, где он протащил кружку, на столе заблестел влажный след.

Велемир теперь смотрел на Энгле по-новому, с возрос-

шим недоверием и, как показалось Ниму, с уважением. Ним даже немного завидовал им: во всём этом разговоре они понимали гораздо лучше, прочитывали в словах куда больше смысла, чем мог понять Ним. Сколько, интересно, ему придётся прожить в Княжествах, чтобы собрать все суеверия и запомнить все обычаи? Наверное, для того, чтобы понять Княжества, нужно здесь родиться.

Мать Велемира решила пока не докучать Энгле, переключив своё внимание на Мейю. Признаться, Ниму тоже хотелось послушать её ответ.

– Твои волосы, – хозяйка указала на клочковато остриженную голову девушки. – Почему они так обрезаны?

Мейя затравленно посмотрела на Нима, и от взгляда её больших покрасневших глаз ему стало неуютно. Ним понял: если можно отказаться говорить правду, то от вопроса не уклонишься.

– Мама... – шепнул Велемир.

– Ничего. Пусть говорит. Я должна знать, кто гостит в моём доме.

С Мейей начало твориться что-то странное. Она закусила побледневшие губы, её заколотило, руки мелко затряслись, она зажала уши, громко зарыдала, вскочила с места и выбежала во двор. Ним и Энгле переглянулись.

– Я же говорил! – шикнул Велемир и выбежал за Мейей. Дверь гулко хлопнула, потом снова по инерции приоткрылась и скрипнула петлями.

– А я тоже рисую, – вдруг сообщила Мава и постучала Нима ложкой по руке. – Ты умеешь рисовать человечков? У меня они никак не получаются.

Мысли Нима были заняты Мейей и её реакцией на обычный, в общем-то, вопрос, поэтому обращение Мавы заставило его врасплох. Он мигнул, с трудом отвернулся от двери и рассеянно улыбнулся девочке. Мава смотрела на него требовательно и сурово, сдвинув брови и поджав тонкие губы.

– Умею. Хочешь, покажу?

– Хочу!

Лицо Мавы переменилось как по волшебству, из капризно-недоверчивого сделавшись воодушевлённым и любопытным.

– Мам, бумажку дай!

– И уголь, – добавил Ним.

Энгле кашлянул и помотал головой.

– Ну даёте. Что, просто так ему бумаги дадите? Чтоб марасть?

Мать Велемира внимательно посмотрела на Нима, будто пытаясь понять, стоит ли он того, чтобы тратить на него бумагу, но всё же встала со скамьи и подошла к сундуку.

– И не марасть вовсе, – буркнул Ним, чувствуя, как это пренебрежительное слово, брошенное Энгле, оседает в груди неприятным осадком.

Женщина положила на стол квадратный лист бумаги и кусочек уголька, обмотанный с одного конца бечёвкой, а сама

забрала у едоков не нужные большие ложки и отнесла их куда-то к печи.

Ним сжал пальцами уголь и подтянул к себе бумагу. Руки возбуждённо дрогнули, ощутив знакомое шершавое тепло, будто встретили давнего друга.

Едва очутившись в пальцах, уголь заплясал по бумаге, размечая очертания головы и разворот плеч, закружил, выписывая черты лица, завитки чёрных волос и складки длинной рубашки Мавы.

Портрет получился не таким, чтобы Ним мог им гордиться, всего лишь сносным, но переделывать он не рискнул: придётся просить ещё бумагу, этот же самый лист не получится использовать с обратной стороны, там уже было что-то нацарапано пером, а судя по изумлению Энгле, бумага в Княжествах стоила дороже, чем в Царстве. Ним потыкал подушечкой пальца в угольный грифель и помусолил бумагу, добавляя размытый дымчатый фон, а потом перевернул лист и продемонстрировал Маве.

Девочка на миг настороженно замерла, так же недоверчиво хмурясь, как раньше, но тут же расцвела улыбкой и восторженно схватила за собственные зардевшие щёки.

– Ой, живая будто! Ты что, волхв, что ли? А научи меня!

Она сграбастала рисунок и захихикала, румянясь от удовольствия. Ним тоже улыбнулся. Впервые за всё время, проведённое в Княжествах, он почувствовал себя по-настоящему уверенно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.